

Е.В. Г у с а р о в а

«ПЕТРОВ ЧЕРТЕЖ АСТРАХАНИ»

(ранний план русских геодезистов
во французском морском атласе середины XVIII века)

В собрании рукописных карт Отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук в Санкт-Петербурге хранится чертеж XVIII в. русской работы — план Астрахани, до сих пор не публиковавшийся и не исследованный, хотя для истории картографии немаловажный¹ (Ил. 1). Уточнение даты его создания, выяснение причин возникновения, определение авторов меняют наше представление о времени появления городских планов, выполненных русскими специалистами с использованием геодезической съемки и математических методов. Считается, что первым был план Москвы, составленный «под смотрением» архитекторов И.А. Мордвинова, а затем И.Ф. Мичурина в 1731–1739 г. («план Мичурина»), а также «План императорского столичного города Санктпетербурга», известный в вариантах 1737 г. («академический план») и 1738 г. («план Зихгейма»)². Более ранние планы Санкт-Петербурга, Киева 1706 г. и Москвы 1707 г. были созданы, как известно, иностранцами³. Исследователи полагают, что «в Петровское время не был создан ни один план» (речь об инструментальных планах городов отечественного изготовления)⁴.

Гравюра с планом Астрахани и Малый морской атлас Ж.-Н. Беллина

Начиная рассказ о рукописном плане Астрахани, оговоримся, что утверждение, будто он не публиковался, не совсем верно. Этот ранний картографический опус, сегодня забытый, надежно укрытый в недрах хранилищ, в свое время был востребован и пережил удивительные метаморфозы. История его «странствий» стала открываться после знакомства отечественной аудитории с первым русским изданием труда Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм...», поразившего нас тогда любопытными характеристиками «экономического и материального быта» разных стран и народов, а также неожиданной для читателя, воспитанного на диалектической логике, прихотливостью течения авторской мысли... Среди иллюстраций этого издания есть французская гравюра «Plan de la Ville d'Astracan», очень похожая на наш чертеж⁵.

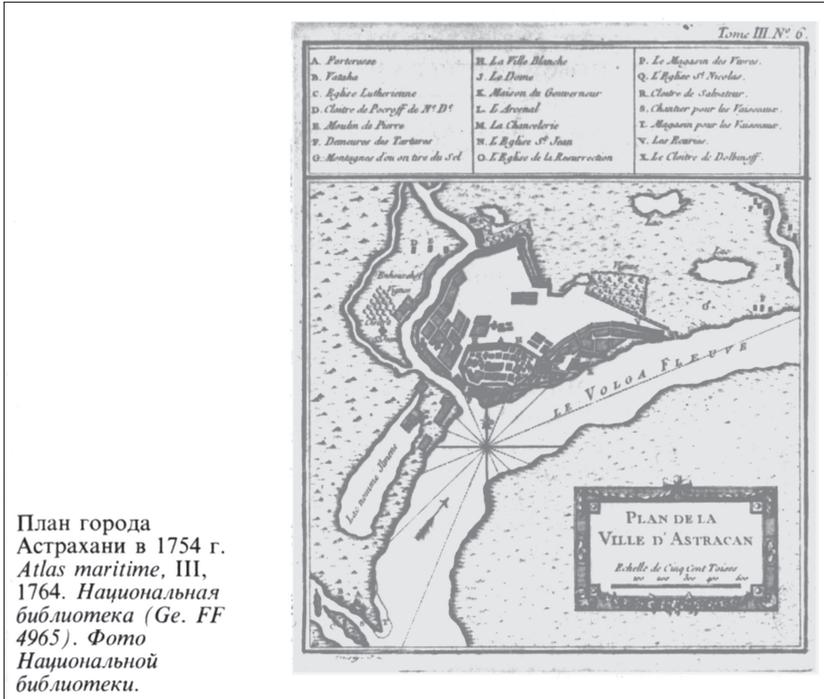
Гравюра не может не привлечь внимания тем, что Бродель датирует план 1754 годом, хотя отраженные в нем городские реалии говорят о куда более раннем времени (Ил. 2). Дело в том, что в XVIII в. произошло событие, ставшее важным «разграничителем», помогающим

I. ARTICLES

Ил. 1. План города Астрахани. Бумага, тушь, акварель (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720)

датировать изображения Астрахани. Речь о посещении ее Петром I во время Персидского похода, в связи с чем город претерпел известные изменения. Так, по распоряжению царя был упразднен Сретенский Долбилов монастырь, стоявший к югу от здешнего кремля, но на плане из книги Броделя монастырь все там же. В 1726 г. на месте монастыря стали строить адмиралтейство, в середине века оно функционировало в полном объеме, однако на французской гравюре его нет. Эти и другие подробности, о которых речь ниже, говорят о том, что план Астрахани из книги Броделя был составлен до 1722 г.

План города Астрахани в 1754 г. *Atlas maritime*, III, 1764. Национальная библиотека (Ge. FF 4965). Фото Национальной библиотеки.

Ил. 2. План Астрахани с указанием даты и источника в книге Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв.» (пер. с фр. 1-е изд. М., 1986–1992. Т. III. С. 476)

В книге указан источник, откуда взята иллюстрация, хотя назван не точно. «Морской атлас 1764 г.» из Национальной библиотеки в Париже — это Малый морской атлас, выпущенный в 1764 г. Военно-морским министерством Франции в составе пяти томов⁶. Третий из них, содержащий карты Азии и Африки, включает рассматриваемый план Астрахани (Ил. 3), и именно на третий том указывает Бродель в своей подписи к картинке (отметим, что в самом атласе план Астрахани не датирован; к датировке Броделя мы еще вернемся). Автора приведенного чертежа Бродель не называет, но на титульном листе Малого морского атласа есть имя автора-составителя: «Par le S. Bellin, Ingenieur de la Marine» (сир Беллин, инженер морского флота).

Жак-Николя Беллин (1703–1772) слывет «одним из самых важных французских картографов периода, когда Франция была главной колониальной державой», «одним из великих картографов Просвещения», который «установил своими работами столь высокую норму мастерства и точности, что она позволила Франции занять ведущую роль в европейской картографии»⁷, а также «главным картографом французского флота» и «основателем французской гидрографии»⁸. Рассматриваемый же Малый морской атлас, выдержавший 12 изданий, как утверждает биограф Ж.-Н. Беллина, «является прецедентом в истории картографии: он содержит почти 600 карт и планов всех частей света»⁸. Специалисты отмечают особый характер этого издания, «действительно невероятного для производства того времени, особенно учитывая высокий уровень точности карт и качество гравировки»⁹.

I. ARTICLES

Французская картография, тем более морская, известна у нас меньше, чем продукция других европейских школ — португальские, испанские, каталонские портуланы XIV–XVI в., фламандские и голландские карты XVI–XVII в., английские карты XVIII–XIX в. Однако это не совсем оправдано: Франция была важнейшим центром мировой картографии. «Картография, как наука, дитя астрономии и математики, родилась во Франции во времена Людовика XIV», — говорит историк¹⁰. Добавим имя Ж.-Б. Кольбера, знаменитого королевского министра, который не только поощрял создание мануфактур, учреждение французских Ост-Индской, Левантийской и других торговых компаний, развивал судостроение, но и основал Королевскую академию наук с Парижской обсерваторией, куда сумел привлечь лучших европейских ученых. Считается, что главной целью основания французской академии, несмотря на широкий спектр ее деятельности, было как раз исправление и улучшение сухопутных и морских карт¹¹. Здесь трудились математики, астрономы, картографы, осуществившие «великую топографическую съемку Франции», начатую именно при Ж.-Б. Кольбере и законченную лишь в 1789 г. В рамках этой работы Кольбер поручил нанести на карты Атлантическое побережье Европы от Норвегии до Гибралтара. В качестве организатора Морского министерства и фактического создателя французского военного флота он способствовал появлению корпуса «инженеров короля», занимавшихся укреплением портов и гаваней, а также составлением карт Средиземноморского побережья. Одним из результатов этих многосторонних усилий стал «Французский Нептун» 1693 г. — первый официальный морской атлас Франции, включавший 29 карт, «великолепно выгравированных», «с самой выдающейся и достоверной информацией»¹². К концу XVII в. французские картографы вышли на первое место по качеству своей продукции, оттеснив даже голландцев. «Французский Нептун» встал в один ряд с голландскими и английскими морскими атласами, такими как «Зеркало мореплавания» Лукаса Вагенера, «Английский пилот» Джона Селлера или «Тайный атлас Голландской Ост-Индской компании»¹³.

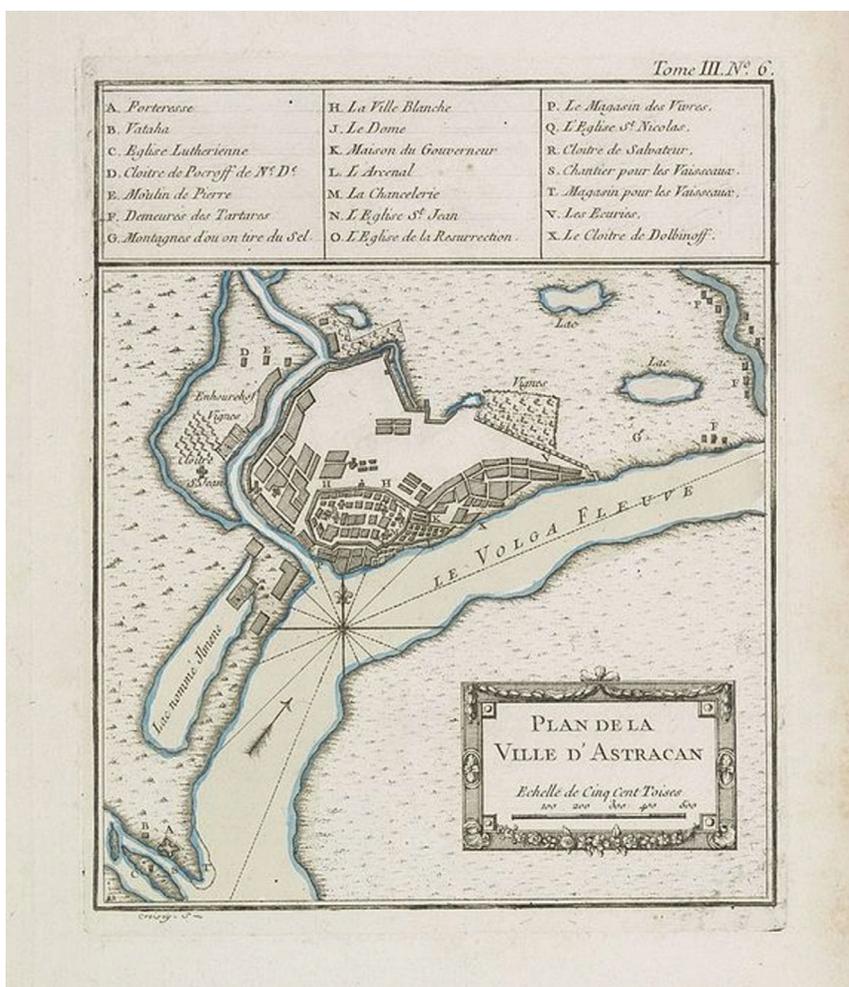
Французские карты XVIII в., особенно морские и официальные, с их отказом от яркой декоративности, занимательности карт фламандской школы, предназначавшихся прежде всего для продажи, по точности информации и строгости исполнения причисляют «скорее к научным произведениям». Их высокое качество оттачивалось в условиях ожесточенной борьбы европейских держав за мировое господство, в жесткой конкуренции с английскими картографами (в специальной литературе применительно к этому времени есть даже понятие «Большая война карт»). В ходе Семилетней войны 1756–1763 г., главного глобального конфликта XVIII в., Франция, бывшая до того самым авторитетным государством Европы, отступала, теснимая в заморских колониях Англией. Малый морской атлас Беллина появился в драматический момент — после того как Франция фактически потеряла свой военно-морской флот, «приведенный в цветущее состояние Кольбером», но «оставленный в небрежении» Людовиком XV и чередой его бездарных министров: 20 ноября 1759 года английский адмирал Эдвард Хоук разбил морские силы французов в заливе Киберон у берегов Бретани¹⁴, и это было лишь одно из поражений, которые потерпела Франция в соперничестве с Великобританией на морях¹⁵.

Новый морской министр Франции герцог де Шуазель, «последняя и лучшая надежда Франции на успех в этой войне», как говорит о нем историк, «трудоголик, полный энергии, воображения, настойчивости», предпринял колоссальные усилия, сумев использовать «взрыв национального энтузиазма», вызванный гибелью королевского флота: был организован сбор средств, строились корабли, наполнялись арсеналы и склады, обучался личный состав флота, повышался уровень офицерства. Именно Шуазель стал «заказчиком» Малого морского атласа, созданного «для обеспечения навигаторов самой свежей и точной информацией», и посвящение ему, подписанное «нижайшим и покорнейшим слугой Беллином», открывает первый том¹⁶.

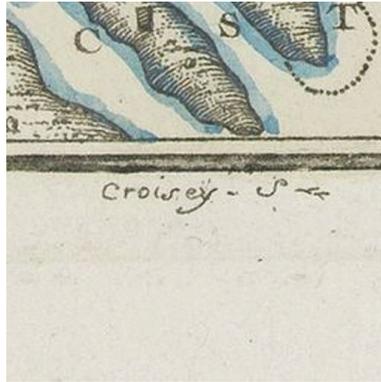
I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

В «уникальном в своем роде собрании карт и планов», предназначенном для «восполнения тонкостей», которых не доставало в предыдущих изданиях, — «очертаний заливов и бухт, рейдов и якорных стоянок, портов и речных устьев», как сообщается в предисловии, помещены планы множества «приморских городов»: Бомбея, Нью-Йорка, Копенгагена, Бриндизи, Гаваны, Макао...

Многие из этих листов демонстрируют «горячие точки» Семилетней войны, развернувшейся, как известно, не только в Европе. Карты Западного побережья Африки¹⁷ из того же тома, в котором помещен план Астрахани, воскрешают события в африканских владениях Франции, откуда французская Сенегальская компания извлекала колоссальные богатства: вывозила рабов, скупала золотиносный песок, слоновую кость, серебро и гуммиарабик; в ходе нескольких военно-морских экспедиций англичане отняли у французов их форты-фактории в Сенегале¹⁸. «План Мадраса на Коромандельском побережье»,

Ил. 3. План Астрахани из Малого морского атласа Ж.-Н. Беллина. Подкрашенная гравюра (Париж, 1764. Т. III. № 6)

Ил. 4. Подпись гравера Круазе на плане Астрахани из Малого морского атласа Ж.-Н. Беллина. (Париж, 1764. Т. III. № 6. Фрагмент)

представляющий «столицу» британской Ост-Индской компании во всех подробностях (город белых на скале у моря, защищенный тройной линией укреплений, отделенный от него рвом «черный город», где жили индийцы)¹⁹, словно иллюстрация к событиям одного из решающих сражений двух держав в Индии²⁰. План Квебека из Атласа Беллина²¹ — театр военной кампании, оказавшейся фатальной для Франции в «великом франко-британском конфликте в Америке». После захвата Квебека англичанами тот же план, но озаглавленный «The City of Quebec», был помещен отдельной врезкой на пышной английской «A New Map of the Province of Quebec...» — карте завоеванных канадских земель, составленной по результатам Семилетней войны. Карты — всегда средство пропаганды и свидетельство борьбы за территории; справедливо утверждение о теснейшей связи, существовавшей в XVIII в. между географическим изучением и геополитическим подчинением²².

Вернемся, однако, к плану Астрахани из Атласа Беллина.

Кто был его автором?

Под нижней рамкой чертежа видим крохотную надпись: «Croisey S-t» (*Ил. 4*). Она встречается и на других листах Атласа: под планами Марселя, Тулона с окрестностями, картами острова Сардиния, бухты Кадис — в вариантах «Croisey sc-t», «Croisey sculpsit», что по латыни означает: «Вырезал Круазе». Это подпись гравера, резавшего медную доску для публикации чертежа в Атласе. Классические словари по искусству дают сведения о нескольких граверах Croisey, работавших в Париже в рассматриваемый период²³. Специалисты Национальной библиотеки Франции считают автором гравюры с планом Астрахани Jean-Baptiste Croisey²⁴ (ему же приписываются гравюры с картой Крыма и планами Танаиса и Азова из третьего тома Малого морского атласа)²⁵. Рассмотренные Круазе принадлежали, очевидно, целому семейству граверов, что характерно для искусства того периода. И это были мастера-репродукционисты очень хорошего уровня²⁶.

Вообще к работе над картографическими изданиями Ж.-Н. Беллина привлекались высокочеловеческие граверы. Среди них Шарль-Никола Кошен-сын, происходивший из большой артистической семьи, где и отец, и мать, и тетки, и свойственники были граверами и

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

художниками²⁷. Этот Кошен известен как рисовальщик и гравер, портретист и художественный критик. Работая для Людовика XV, он оформлял королевские празднества, которые запечатлел в гравюрах, имел должность официального дизайнера королевских развлечений, хранителя чертежей короля, был членом Королевской академии живописи и скульптуры, исследовал находки в Геркулануме, проиллюстрировал около 200 книг, оформлял Энциклопедию Дидро, посещал салон мадам Жоффрен, оставил более 300 графических портретов своих современников, на которых запечатлел не только короля и известных аристократов, но также музыкантов, литераторов, врачей, ученых. В числе последних есть математики, астрономы, а значит, мог быть и Ж.-Н. Беллин, возможно, он «прячется» среди неидентифицированных персонажей портретов Кошена.

Кошен-сын участвовал в оформлении «Всеобщей истории путешествий» аббата Прево, своего рода «энциклопедии путешествий», одной из «влиятельных книг своего времени», 15 томов которой, а также сокращенный вариант (*Abrégé*) выдержали несколько изданий в 40–80-е годы XVIII в. Издания сопровождалось «превосходным атласом» карт, созданных Беллином: «по новой географической информации» и «отличным топографическим деталям» они считались лучшими для своего времени.

Рисовальщик и гравер Ж. Арриве (*J. Arrivet*) известен как мастер орнаментальных композиций, украшающих титулы и виньетки картографических изданий (например так называемого студенческого атласа Жила и Дидье-Робер де Вогонди, Атласа мира Ригобера Бонне, «Немецкого атласа» к «Универсальной географии» А.Ф. Бюшинга). Он назван в числе авторов собрания картушей для книг по наукам и искусствам («*Nouveaux trophées ou cartouches représentant les arts et les sciences composé avec les attributs qui les caractérisent*»), изданного в Париже в 1765 г. Собственноручную подпись «*Arrivet delineavit & sculpsit*» (Арриве рисовал и вырезал) находим на титульном листе «Французской гидрографии» Беллина. Именно Ж. Арриве, как сообщает авторитетный справочник²⁸, был автором фронтисписов к томам Малого морского атласа 1764 г.²⁹

Еще один гравер, характеризующий уровень изданий Беллина, — Робер Бенар (*Robert Benard*; родился в 1734 г.; годы активной работы 1754–1785)³⁰, создатель около 1800 гравюр для Энциклопедии Дидро и Даламбера и в качестве гравера, и как руководитель гравировального процесса («*diréxit*»). Он автор серии «Ремесла», таблиц «Начертания букв и алфавиты языков мертвых и живых» и других иллюстраций упомянутой Энциклопедии. Для нас важно отметить награвированные Бенаром карты Беллина во «Всеобщей истории путешествий» Прево. Как и гравюры по эскизам Кошена, это эффектные, элегантные листы, отражающие прихотливый вкус своей эпохи, с рокайльными картушами, изящной орнаментикой и ручной раскраской в пастельных либо ярких тонах.

В этом смысле Малый морской атлас гораздо более сдержан, хотя вполне вписывается в стилистику позднего рококо. Самый формат томов, вызванный требованиями удобства и практичности, соответствует канонам этого стиля. Определение «Малый» в названии Атласа относится именно к размеру томов и в данном случае означает «кабинетный», камерный и даже «каютный», «предназначенный для работы на корабле», а не в залах министерств, академий и королевских апартаментов. Издание «не грешит тяжестью и громоздкостью наших больших Атласов», поясняет Беллин в предуведомлении³¹. Художественные качества Малого морского атласа определяются прежде всего высочайшим мастерством гравировки, а также деликатной ручной подкраской с использованием лишь одного цвета, голубого («окраска морей цветом морской волны», говорит об этом составитель Атласа), дающего в сочетании с желтоватой бумагой и серебристыми штрихами гравюры своеобразную нежно-блеклую гамму и удивительные эффекты, как изобразительные, так

I. ARTICLES

и декоративные. Один из знатоков французской гравюры «последней эпохи королевской Франции» называет «произведения графических искусств» того времени «в высшей степени чарующими откровениями» для тех, кто ценит «не только общие идеи искусства, но и малые, специфические», имея в виду мастерство оформления книги, виртуозное владение приемами гравирования на меди. «В этом, именно техническом смысле французская графика была самой совершенной при двух последних Людовиках. Она отвечает в смысле рафинированности производства самым строгим требованиям... Для нежного вкуса утонченных людей создавались эти книги»³².

Все это в полной мере относится к художественной стороне Малого морского атласа 1764 г., в том числе и к гравюре с планом Астрахани. На ней мы видим замечательно уравновешенную композицию, грамотно заполняющую плоскость листа: сверху — три столбца экспликации, написанные изящным и четким шрифтом, в центре — причудливые пятна самого чертежа, чуть гротесковые очертания города, мастерская штриховка пятен застройки, тончайшие нюансы рассеянных вокруг города условных значков, а в нижнем правом углу, где нет топографической информации, — рамка со шкалой масштаба и названием чертежа, в которой изысканность рокайльной орнаментики сочетается с тектоничностью раннего классицизма; и словно главный нерв, словно связующий центр всего чертежа — перекрестье румбовых линий со стрелкой, указывающей на север (на самом деле она указывает на юг, но это отдельный вопрос, к которому мы вернемся).

Интересно, что Малый морской атлас был выпущен в трех вариантах оформления, обоснованных Беллином таким образом: «Естественно, исполнение этого труда, для которого мы не жалели ничего, потребовало значительных средств, следствием чего стала необходимость продавать его дорого; но морской министр возместил наиболее существенную часть затрат, действуя во благо общества; так что пять томов в нераскрашенных листах отдаются за 96 ливров; прошитые с вкладками и окраской морей цвета морской волны — за 120 ливров; в переплете телячьей кожи с позолотой и гравированными заголовками каждого тома — за 144 ливра; впрочем, эта скромная цена, не превышающая расходов на бумагу, всего лишь надежное средство защиты от иностранных подделок»³³.

Несколько слов о других изданиях работ Ж.-Н. Беллина. Это упомянутая уже «Французская гидрография» — два тома, включающие 75 морских карт побережий Франции, о которых автор не без гордости сообщал, что они «известны в Европе» и «пользуются надежной репутацией у мореплавателей разных стран»; они дополнялись в течение всей жизни автора и переиздавались после его смерти. Это и «Французский Нептун» 1773 г. — морской атлас из 32 карт европейских побережий, продолживший традицию «Французского Нептуна» 1693 г. Беллином же был составлен Морской атлас, выпущенный Департаментом карт и планов Морского министерства в 1751 г. Ему принадлежат также «Очерк географии Британских островов», «Описание географии Гвианы», «Описание географии и истории острова Корсика», отдельные издания карт Венецианской лагуны, Карибских островов, Северо-Восточной Канады, сочинения «Новый метод обучения географии», «Ремарки на карту Северной Америки» и др.

Неизвестно, бывал ли Беллин в салоне мадам Жоффрен, который посещал, как отмечалось выше, гравер, портретист и художественный критик Кошен-младший и где царили энциклопедисты³⁴. Но нашего картографа причисляют к этому кругу как одного из авторов энциклопедии — «Толкового словаря наук, искусств и ремесел»; известно, что Беллин «способствовал» появлению почти тысячи статей (994!) этого 35-томного издания.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

И снова о плане Астрахани из Малого морского атласа.

Если Крузе резал гравюру, то кто составлял чертеж? Мог ли сам Беллин, «один из наиболее продуктивных картографов XVIII века», проработавший более пятидесяти лет в Депо карт и планов, быть автором оригинала?

Теоретически мог. Он родился в 1703 г. и с самого основания гидрографической службы Франции был взят туда на службу. «Выбран в 1720 году в качестве клерка в Депо составления карт и планов Департамента ВМФ Франции во время создания последнего», — говорит автор монографии о Беллине³⁵. Будущему мэтру картографии было тогда 17 лет. За какие заслуги он оказался на таком важном поприще? Сработали семейные связи, происхождение, покровительство? Об этом ничего неизвестно. Лишь вспоминается штрих из биографии «отца французской картографии» Николя Сансона, который обучался у иезуитов, исполняя в том числе картографические упражнения, когда его заметил кардинал Ришелье и рекомендовал в «картографы короля». Очевидно, и юный Беллин успел проявить себя до поступления на службу. Люди тогда взрослели рано и, хотя жили в среднем меньше нашего, успевали совершить многое, благодаря чему мы помним их до сих пор.

И все же предположение о том, что Беллин мог побывать в те годы в Астрахани и составить ее план, представляется совсем уж теоретическим. В его биографии есть лакуны, а не слишком внимательные составители провенансов к работам Беллина упоминают некие «записные книжки» (Bellin's travel books) его «ранних путешествий» (Bellin's earlier voyages)³⁶. Однако большинство известных фактов говорит о том, что он был «кабинетным», точнее «штабным» картографом, а не путешественником, не «практиковавшим навигатором»³⁷. Он возглавлял до конца жизни (умер в 1772 г. в Версале) Депо карт и планов флота (в 1741 году он стал его первым, читай: главным, инженером, а также «гидрографом короля»). Вследствие этого Беллин имел доступ к огромному количеству уникальной картографической и навигационной информации, централизованно собиравшейся в этом подразделении военно-морского флота Франции. Информация поступала в обязательном порядке от офицеров флота, от министра торговли, курировавшего торговые морские суда, от иезуитов-путешественников, из научных кругов. Располагая «штатом из многих младших инженеров», Беллин уточнял известные карты, исправлял «многие предосудительные для мореходства ошибки», рисовал эскизы новых карт³⁸. Он остро нуждался в информации и не раз обращался к навигаторам, астрономам, инженерам с просьбой поделиться данными о конкретных пунктах в разных уголках мира. Говорят, ему удалось создать разветвленную сеть корреспондентов «по всей Европе и в колониях» — своего рода «вперед смотрящих офицеров», снабжавших его сведениями³⁹.

Будучи «интеллектуально честным ученым», Беллин ссылался на источники своих работ, хотя далеко не всегда. Чертежей, подписанных самим Беллином, относительно немного. Так, подпись на карте Северной Америки 1755 г., помещенная в пышном картуше, украшенном гербом с королевскими лилиями, гласит: «[Составлена] месье Н. Беллином, инженером флота и Депо планов, членом Королевской морской академии и Королевского общества в Лондоне». Многие работы Беллина снабжены ссылками: «составлена по журналам навигаторов» (о карте Канарских островов, карте острова Суматра и других), «снята французскими и английскими моряками» (о карте Британских островов), «выполнена голландцами» (о карте окрестностей Батавии), «составлена по журналам и отметкам знающих мореходов» (о карте мыса Капо-Верде), «снята на месте французским инженером» (о карте течения реки Менан от Сиам до моря), «извлечена из пригодной английской карты» (о карте Вирджинии с Чесапикским заливом). Есть ссылки на конкретные имена: «составлена по испанской карте Мурильо де Веларде» (о карте Филиппинских островов), «извлечена из путешествия адмирала Ансона» (о карте острова Хуана Фернандеса), «составлена по

I. ARTICLES

запискам, планам и судовому журналу сира Лаба, бортового инженера корабля месье Буше 1699 года» (о карте Магелланова пролива)⁴⁰, «сокращенный, но точно следующий тому, что снят по указанию месье де Турни, интенданта округа, в 1754 году» (о плане города Бордо)⁴¹.

Планы «прибрежных городов» в атласах Беллина, как правило, не подписаны и за редким исключением ссылок не имеют, но источники некоторых известны. Так, план Нью-Йорка из Малого морского атласа⁴² считается версией врезки с рукописной карты Ж.Б. Франклина, одного из ранних картографов Северной Америки; план Нового Орлеана основан на чертеже, созданном за четверть века до того автором «Истории и общего описания Новой Франции» (1744) ученым-иезуитом П.-Ф.-К. Шарлевуа; планы японских городов Эдо⁴³ и Нагасаки⁴⁴ заимствованы из «Истории Японии» (1727) немецкого ученого путешественника Э. Кемпфера.

Есть у Беллина чертежи, история которых уходит вглубь веков. Его план Гоа, столицы португальской Индии, продолжает версию, изданную в 1596 г. в Амстердаме, возобновленную в 1646 г. Магасом Мерианом, воспроизведенную в «Описании Вселенной» Алана Малле 1683 г. и в «Занимательной галерее мира» Питера ван дер Аа 1729 г. План Ормузской крепости в Персидском заливе, бывшей в XVI–XVII в. предметом ожесточенного соперничества арабов, португальцев, персов, англичан, впервые встречается на карте 1648 г. «Plantas das Cidades e fortalezas da conquista da India Oriental» («Планы городов и крепостей Восточной Индии») португальца Жоао Техейры Альбернаци⁴⁵, затем в издании 1674 г. Мануэля де Фариа «Asia Portuguesa» (Португальская Азия), позже в «Histoire des decouvertes et conquestes des Portugais dans de Nouveau monde» (История открытий и завоеваний португальцев в Новом свете) 1733 г. и, наконец, в «A new general collection of voyages and travels...» (Новой коллекции путешествий...) Томаса Астли и Джона Грина, опубликованной в 1745–1747 г. в Лондоне. В 1748 г. эта версия плана Ормуза в исполнении Якоба ван дер Шлее, видного гравера из Амстердама, сотрудничавшего с Беллином, вышла в лейпцигском издании «Всемирной истории путешествий» Прево⁴⁶, а в 1760 г. — в его голландском издании.

Не раз ссылается Беллин в картушах своих карт на ученых-иезуитов: «...Iree des Cartes Levees par PP Jesuites» — «...составлена по картам, снятым отцами иезуитами» (Китайской империи, острова Формоза), «...с карты Алонсо Лопеса и по запискам Моралеса, испанских иезуитов» (о карте архипелага Св. Лазаря). А на гравюрах с китайскими видами — Пекина⁴⁷, канала в его окрестностях⁴⁸, пекинской обсерватории, крепости «у трех рек»⁴⁹ — помещенные над изображениями ленточки-бандероли содержат помимо названий и ссылки на имена авторов: «...aus dem P. Le Comt» (из работы иезуита Луи Ле Комта «Новые записки о положении дел в нынешнем Китае», изданной в 1696 г. в Париже); «...tigue du Haide» (из четырехтомного труда «Географическое, историческое, хронологическое, политическое описание Китайской империи», составленного иезуитом Ж.-Б. Альдом и изданного в Париже в 1735 г.). Удивительно, что именно эти гравюры, содержащие прямые указания на авторов оригинальных изображений, названы кем-то плодами «ранних путешествий» Беллина.

Ссылается Беллин и на русские источники, хотя чрезвычайно редко. Упомянутая карта Курильских островов из «Всемирной истории путешествий» Прево, имеет ссылку: «с русской карты»⁵⁰. На карте Финского залива из Малого морского атласа есть примечание: «Следует русским картам»⁵¹. Карта Сибири из «Путешествий» Прево подписана Беллином, но имеет две ремарки: над верхней рамкой — «По трассе пути Гмелина»⁵², под нижней рамкой — «Путь месье Делиля от Москвы в Березов»⁵³. И, конечно, это известная «Карта Северного океана, включающая проход между Азией и Америкой» из «Французской гидрографии» Беллина, составленная, как гласит название, «согласно открытиям, сделанным русскими»⁵⁴.

Но все же большинство карт и планов Беллина ссылок на первоисточники не имеет и авторы их неизвестны. К последним относится и план Астрахани из Малого морского атласа.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Французская гравюра и рукописный чертеж Степень идентичности. Время создания

Вернемся к русскому чертежу. Последовательное сравнение его с гравюрой «Plan de la Ville d'Astracan» из французского атласа убеждает, что они не просто похожи. На чертеже и на гравюре мы видим одну и ту же композицию. Одинаково нанесен разворот русла Волги. В центре композиции — полностью совпадающие и тут и там очертания города, напоминающие чашечку цветка, который образуют русла волжских рукавов Кутума и Луковки, линия укреплений Земляного города, обозначения садов. При этом на французской гравюре сходство этого цветка с королевской «бурбонской лилией», случайное в рукописном чертеже, явно подчеркнуто⁵⁵.

Одинаково показаны на планах и другие важные подробности: в левом нижнем углу — ответвляющаяся от Волги река Болда (Балда) с островом и значками на берегах, а в верхнем правом углу — река Царев с татарскими селениями. Внутри городских стен идентично изображены ломаный треугольник кремля с примыкающим Житным двором, периметр Белого города. Одинаковы пятна кварталов и полосы слободок. Совпадают форма и расположение водоемов вокруг города. Один из них — протяженный водоем, на русском чертеже снабженный надписью «илмень»⁵⁶, а на французской гравюре — «Lac potme Ilmene» (озеро, именуемое Ильмень). У его южного берега оба плана показывают обозначение сада, известного в истории Астрахани как «Аптекарский огород», учрежденный по именному указу Петра I в октябре 1720 г.⁵⁷, а на ерике, соединяющем Ильмень с Кутумом, — одинаковые очертания объекта, в котором узнается комплекс Птичьего двора, заведенного по царскому указу мая 1718 г., куда в Петровское время свозилась из волжской дельты и окрестных стран экзотическая живность для царского птичника в столичном Летнем саду⁵⁸.

Все эти совпадения — следствие не столько одной и той же реально существовавшей ситуации, сколько одной изобразительной системы, одного набора выбранных для картографирования реалий (генерализации, как говорят картографы)⁵⁹. И даже одних и тех же ошибок, такова, например, предельно упрощенная гидрография территории, совпадающая на двух планах во всех подробностях.

Есть и различия, но они обусловлены разницей техник (в одном случае резцовая гравюра, в другом — рисунок пером с акварельной раскраской), а также уровнем графического исполнения. И именно в графике находим различие кардинальное. На чертеже храмы и монастыри изображены пиктограммами — миниатюрными рисунками архитектурных фасадов с куполами, главками, колокольнями. Очевидно, что рисунки эти — не единый условный значок: все они разные и отражают черты реально существовавших зданий (*Ил. 5*). Гравюра, показывая храмы в тех же самых местах, дает их значком в виде крестообразного плана с закругленной алтарной частью, и это именно — условное обозначение (*Ил. 6*). Такое различие говорит о хронологическом разрыве между составлением рукописного чертежа и созданием гравюры. Сочетание, использованное в нашем чертеже, — «комбинированное изображение из двух составляющих: планового (предполагаемого) и фронтального (постоянно наблюдаемого)», при котором «на плановое изображение местности наносятся объекты в их фронтальном изображении», «без учета перспективных сокращений», специалисты выделяют как характерный прием русской картографии XVII в.⁶⁰. Самый известный его пример — планы Тобольска С.У. Ремезова рубежа XVII–XVIII в. Такие же «фронтальные изображения уникальных объектов города» — храмов, башен, воеводских палат — есть на плане Астрахани начала XVIII в.⁶¹. Однако на ее же планах 40-х годов

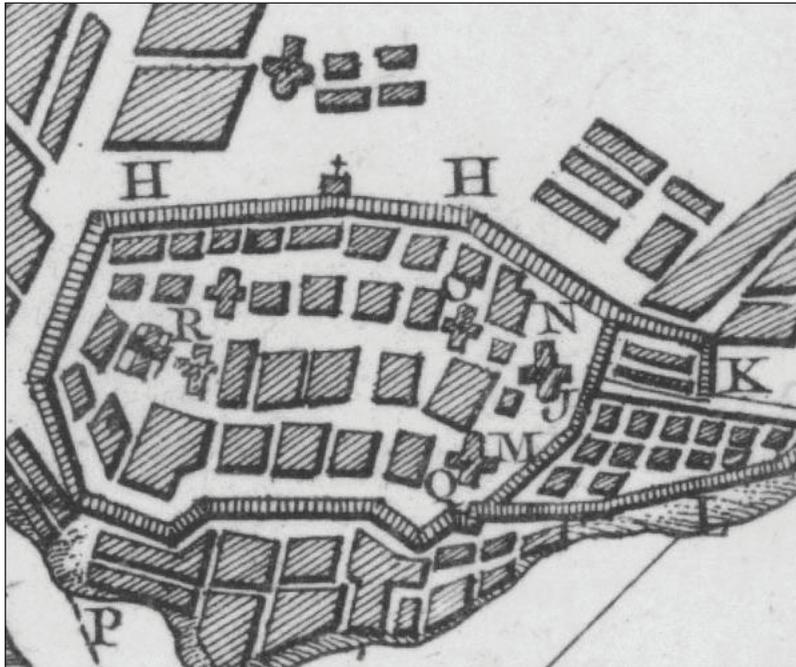
Ил. 5. Пиктограммы церковных строений на плане Астрахани. Ок. 1721 г. (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720. Фрагмент)

XVIII в. от них нет и следа. Тем более, неуместной архаикой должны были казаться подробные рисунки французскому мастеру, резавшему гравюру для Малого морского атласа 1764 г. А вот для русских картографов 20-х годов XVIII в. они еще вполне органичны. Здесь мы вплотную подошли к вопросу о датировке рукописного чертежа.

В каталоге карт ОР БАН, составленном Б.В. Александровым, рассматриваемый план Астрахани датирован второй половиной XVIII века. Приведем его описание полностью. «План города Астрахани. 2-я половина XVIII века. Даны: главное русло реки Волги и ее мелкие притоки с обозначением садов по берегам; план города занимает небольшую часть площади; показаны кварталы, крепость, часть посада, обнесенные стеной, монастыри, церкви, губернаторский двор, "артиллерной" двор, канцелярия, конюшни, житный и гостиный двory. М.: 150 сажен в 1 дюйме (1 : 12 600); в прямоугольных координатах. Бумага александрийская; размеры 74 × 64; 1 лист; в 3-х красках. Масштаб и пояснения в орнаментированных картушах»⁶².

Предпринятая позже сотрудниками ОР БАН работа по выявлению материалов, принадлежавших Петру I, позволившая внести уточнения в некоторые датировки (например, «во изменение и дополнение печатного описания Александрова» был датирован первой четвертью XVIII в. «План места слияния р. Волги с р. Кутумом при Астрахани»)⁶³, изучаемого чертежа не коснулась.

Между тем рассматриваемый план никак не мог быть создан во второй половине XVIII в. Во-первых, к тому времени город разросся и имел другие очертания. Это наглядно демонстрируют планы Астрахани — и хорошо известный, опубликованный в книге С.Г. Гмелина план 1769 г.⁶⁴ и менее известный план 1746 г.⁶⁵. На них появляется русло

Ил. 6. Обозначения церковных строений на плане Астрахани из Малого морского атласа Ж.-Н. Беллина (Париж, 1764. Т. III. № 6. Фрагмент)

«Астраханского чрез Солончак Большого канала», почти законченного к началу 60-х годов XVIII в.⁶⁶, наносятся «заканальные» кварталы, застройка «перебирается» на северный берег Кутума, увеличивается число садов вокруг города. Автор приведенного описания решил, что на плане показана только «часть посада», не зная, что незаполненная обозначением застройки территория Земляного города (посада), воспринятая им как следствие незавершенности чертежа, представляла собой солончаковое болото и потому на момент составления плана застроена не была. Лишь за болотом, у Садового бугра, существовала отдельная слободка, известная по документам XVII в. как «загородный кузнечный ряд»⁶⁷, вынесенный для пожарной безопасности подальше от городской застройки, и этот ряд дан отдельным пятном. Так что чертеж показывает весь посад, а не часть его и в этом смысле точно отражает ситуацию до проведения канала, то есть первой половины XVIII в.

Во-вторых, как отмечено в начале статьи, на рассматриваемый чертеж не попали изменения, связанные с пребыванием в Астрахани Петра I. Рассмотрим их подробнее.

На территории кремля рукописный чертеж обозначает цифрами Воскресенскую церковь⁶⁸ и храм Иоанна Богослова⁶⁹. Однако известно, что они были вынесены оттуда к приезду царя: «В 1722 г. губернатор Артемий Волынский, готовясь к встрече государя императора, приказал деревянные в Кремле дома и церкви снести. По сему кремлевская Воскресенская церковь перенесена была за Белый город... Иоанно-Богословская же перемещена в девичий Благовещенский монастырь»⁷⁰.

К югу от кремля пиктограммой обозначен Сретенский Долбилов монастырь (Ил. 7). Повторю, что он был упразднен приехавшим в Астрахань Петром I, а в 1727 г. на его месте построили адмиралтейство⁷¹. На планах середины и второй половины XVIII в. оно

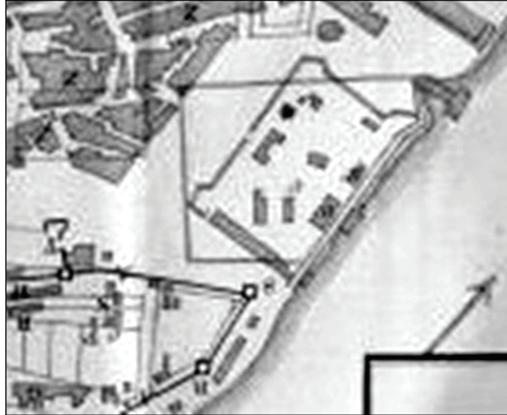
Илл. 7. Пиктограмма «Долбилов монастырь» на плане Астрахани. Ок. 1721 г. (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720. Фрагмент)

присутствует здесь как основательная дерево-земляная крепость⁷², включающая множество специальных строений⁷³ (Илл. 8). Ничего подобного на волжском берегу у Крымской башни рассматриваемый рукописный чертеж не показывает, зато весьма реалистично представляет «корабли» и «казенной анбар» в нижнем левом углу листа, на берегу реки Болды, как и подробно прорисованный план укрепления о четырех бастионах (Илл. 9).

О кораблях и поселении у «Болдинской пристани», перенесенных сюда подальше от мятежного города после астраханского стрелецкого бунта 1705 г., говорят разные источники. Голландский путешественник Корнелис де Бруин упоминает «слободу Болда», «подле» которой находились «корабли Его Величества» и куда в 1707 г. «ежедневно подъезжали прибывавшие в Астрахань голландцы, поступившие на службу Его Величества»⁷⁴. Астраханский краевед в начале XX в. называл селение «при Болде» немецкой слободой⁷⁵. «Командир астраханского коммерческого флота» капитан «Яган» Рентель⁷⁶ в доношениях генерал-аудитору И.В. Кикину и в Коммерц-коллегию в январе и августе 1720 г. писал о «галерной шквadre» (эскадре) — «пятнадцати скампавеях»⁷⁷, которые «присланы из Казани... в [1]715 году в Астрахань для походу лейб-гвардии капитану князю Черкасскому, из которых одна в Волге реке потонула... а 14 скампавей поставлены на берег на Болдинской пристани и покрыты лубьем праздны... и от великих жаров, от солнечного зноя трескаются и раскалываются»⁷⁸. Упомянул И.К. Рентель и «деревянные анбары», и «магазин» при «Болдинской гавани»⁷⁹. Наконец, астраханская Ключаревская летопись, составленная в первой трети XIX века по «древним записям Соборного и Консисторского архивов», повествует: «На косе между Волгою и Болдою была Государева пристань морских судов, но по заведении в городе при губернаторе Волынском адмиралтейства в 1721 году упразднена»⁸⁰. Можно ли датировать план, на котором она показана, второй половиной XVIII в.?

Другая любопытная подробность — пиктограмма с надписью «часовня» недалеко от упомянутых значков при ответвлении реки Болды от Волги. Она заставляет вспомнить строгие правила о часовнях, существовавшие в царствование Петра I. В 1707 г. царем был дан указ «Об упразднении деревянных часовен и запрещении строить вновь» ввиду тайных богослужений, которые совершали в часовнях старообрядцы («...построенные деревянные разбирать, а каменные употребить на иныя потребности тем, кто оныя строил») ⁸¹. Но поскольку

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Ил. 8. Адмиралтейство на плане Астрахани 1769 г. (Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777. Т. 2. Табл. 43. Фрагмент)

указ не везде соблюдался, то в апреле 1722 г. последовал еще и синодальный приговор «...О сломании построенных часовен»⁸². Едва ли после этих мер изображение часовни могло появиться на таком ответственном документе, как план города, скорее оно служит еще одним признаком появления чертежа до 1722 г.

Вопросы вызывает здание, показанное против «Болдинской пристани» на островке, известном ныне как Обливной, а в старину звавшемся Болдинским. Здесь изображено внушительное строение с главками и крестами над двускатной крышей. Обратившись к истории Астраханской епархии, легко установить, что на этом «Болдинском острове, на самой стрелке рек Волги и большой Болды», «в домовых водах» астраханских митрополитов, существовала в свое время «древняя Воскресенско-Болдинская пустынь»⁸³. Возникновение ее связано с теми же событиями, которые заставили перенести в эту местность упомянутые «государеву верфь» и немецкую слободу: «Когда в Астрахани в 1705 году случился стрелецкий "свадебный" бунт, митрополиту Сампсону пришлось бежать из города и скрываться три месяца в Болдинской степи. Тогда-то митрополит и приметил это место близ слияния реки Большой и Малой Болды, которое ему очень понравилось по своему уединенному местоположению, направляющему ум к молитве и духовным размышлениям»⁸⁴. В 1708 г. на острове был основан монастырь: построены церкви «в честь Явления Воскресшего Спасителя апостолам и в честь Киево-Печерской иконы Божией Матери», устроены кельи и ограда. Однако со временем берег, где стоял монастырь, подмыло водой, постройки стали разрушаться, и во второй половине XVIII в. монастырь пришлось перенести на другое место, которое со временем постигла та же участь, почему в начале XX в. перенос повторили, объединив Воскресенский Болдинский монастырь с Покровским⁸⁵. Пиктограмма на Болдинском острове заметно схожа с теми, что обозначают другие загородные монастыри на рассматриваемом плане — Иоанновский и Покровский, и ее наличие на этом месте датирует чертеж первой половиной XVIII в.

Удивительно, что французская гравюра, показывая то же строение на Болдинском острове не пиктограммой, а, как и в других случаях, условным значком-прямоугольником⁸⁶, в экспликации называет его лютеранской церковью (Eglise Lutherienne). С одной стороны, это соответствует данным о располагавшейся поблизости немецкой слободе, с другой — факт существования лютеранского храма именно в этом месте не подтверждается ни одним

Илл. 9. Укрепление, корабль и строения у слияния рек Волга и Болда на плане Астрахани. Ок. 1721 г. (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720. Фрагмент)

источником⁸⁷. Известно, что первый лютеранский храм появился в Астрахани в 1702 г. Однако он погиб вместе с прихожанами в стрелецком «свадебном» бунте 1705 г.; в 1713 г. отстроен вновь, но где именно неизвестно⁸⁸. Зато известно, что в 1748 г. последовал указ о перенесении «из крепости» находившейся «в здешних гарнизонных полках» (из чего следует, что храм был полковым) кирхи «с принадлежащими к ней постройками» «в армянскую слободу»⁸⁹. На нашем чертеже обозначения лютеранского храма среди кварталов этой слободы мы не найдем. Это также может быть свидетельством того, что план составлен раньше.

Заметная подробность плана — изображение на левом берегу Кутума, ближе к его излучине, «Емгурчеева городка». Пиктограмма под этой надписью представляет эффектную архитектурную композицию: стена с проемом в центре фланкирована двумя многоярусными конусовидными башнями с флажками на шпильях (Илл. 10). Изображение фасада столь примечательного в истории и топографии Астрахани объекта встречается впервые, к тому же сведений о нем в литературе так мало, что стоит рассказать подробнее.

Ямгурчей — почти легендарный и в то же время вполне реальный исторический персонаж астраханского «средневековья», и даже не один. Прежде всего, это «предпоследний астраханский хан Ямгурчи», тот, что сначала «бил челом» царю Ивану Грозному, изъявляя желание служить, потом изменил, «обольщенный» крымцами, ограбил царского

Ил. 10. Пиктограммы Ямгурчевево городка и деревянных башен Земляного города на рукописном плане Астрахани Ок. 1721 г. (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720. Фрагмент)

посла, а когда был разбит русской ратью, «с двадцатью воинами ускакал в Азов»⁹⁰. «Царев стан» этого Ямгурчя «пятью верстами ниже татарской Астрахани», в котором посланный вдогонку князь Вяземский нашел «немало кинутых пушек и пицалей», так естественно связать с астраханским «Ямгурчевым городком» на берегу Кутума. Первым это сделал С.Г. Гмелин. «Думать надобно, — писал он в своем "Путешествии", — что сей стан был за протоком Волжским, Кутум называемым... ибо сие место еще и поныне астраханские жители Емгурчевым городком или Емгурчевево крепостью называют»⁹¹. С тем же «Ямгурчи» связывает сохранившиеся в топонимике Астрахани до наших дней названия Ямгурчев мост, «Ямгурчев», как один из районов Закутумья, и современный исследователь⁹².

Но был и другой реальный Ямгурчей, хотя известен он меньше. В документах астраханской Приказной палаты середины XVII в. немало сведений о ногайском (едисанском)⁹³ мурзе Ямгурчее, стоявшем со своим улусом «под Астраханью»⁹⁴, «за Кутумовой»⁹⁵, в «ногайском деревянном городке»⁹⁶, или «едисанском остроге»⁹⁷. История этого Ямгурчя интересна тем, что наглядно показывает, как выстраивались отношения русской Астрахани и окрестных кочевников.

Впервые упоминание мурзы «Ямгурчя Кейкуват Ян-Маметева» встречается в документе июня 1651 г.: к нему «за Волгу на Крымскую степь» посылают из Астрахани стрелецкого голову Василия Пояркова с наказом, чтобы Ямгурчей «унял» своих людей и прекратил нападения на улусы «мурзы Аксаина с братьею», кочующие от Терека к Астрахани⁹⁸. Русская власть окрестных кочевников привечала, дружеские связи укрепляла, союзников поддерживала и дипломатией и силой⁹⁹. Ямгурчей, по-видимому, не сразу внял призыву астраханских воевод не грабить дружественные русским улусы. В одном из документов есть сведения о взятии «ратными людьми» «под Терком» и присылке в Астрахань братьев и племянников Ямгурчя, очевидно, в качестве заложников (аманатов)¹⁰⁰. Это ли по-

I. ARTICLES

могло наладить отношения, неизвестно, но уже в 1653 г. они явно изменились: чтобы убедить Ямгурчю и его людей от крымцев, намеренных «идти войною», его «пустили под Астрахань»¹⁰¹. В документе января 1654 г. впервые упоминается «улус мурзы Ямгурчю под Астраханью»¹⁰². Далее отношения укрепляются¹⁰³, хотя не все в них бывало гладко. Тем не менее Ямгурчю «дал шертъ» (принес присягу) русскому царю¹⁰⁴, исправно служил¹⁰⁵, получал «государево жалование»¹⁰⁶, а мурзы его улуса неоднократно обращались к астраханским властям с челобитными «о даче им вина против прежнего» (то есть как обычно) «для праздника Богоявленъего дня», отмечая, таким образом, православные праздники¹⁰⁷. Астраханские воеводы поддерживали Ямгурчю как внутри его улуса¹⁰⁸, так и среди других «астраханских татар»¹⁰⁹. На особенности взаимоотношений «живших в Астрахани русских» и «некоторых народов», в том числе ногайцев, обратил внимание и французский иезуит Филипп Авриль, побывавший в этих краях в конце 80-х годов XVII в.: «Они (русские. — *Е.Г.*) во время войны оказывают им (татарам. — *Е.Г.*) значительную помощь. Они с ними обращаются скорее как с преданными друзьями, чем с подданными... Когда им нужно оружие для отражения врага, они одалживают его у *астраханского* воеводы, и он даже приходит им на помощь»¹¹⁰.

Городок за Кутумом, где обитал Ямгурчю, документы называют по-разному: «ногайский надолбный кутумовский острог», «едисанский городок», «нагайский вертлюжный город мурзы Ямгурчю»¹¹¹. Здесь «нагайские татары» жили «своими дворами» зимой, а летом отбывали «в летние кочевья»¹¹². Определения «город», «городок» означают, что поселение было огороженным, укрепленным; «острог» и «надолбный» — что укрепления состояли из вертикально вбитых в землю заостренных бревен; «вертлюжный» могло означать, что городок имел ворота с полотнищами, навешенными на петлях-вертлюгах¹¹³. Судя по документам, к сооружению Ямгурчюева городка имела отношение русская власть. Во всяком случае, в 1679 г. московский Приказ Казанского дворца извещал астраханского воеводу Матвея Степановича Пушкина о том, что из Казани будет прислан строевой лес для укрепления размытых водой «полых мест», где находятся жилища едисанских и юртовских татар¹¹⁴. А в 1662 г., когда строился третий пояс укреплений вокруг Астрахани («Деревянный город»), упоминается «*новый* нагайский деревянный город, где живет мурза Ямгурчю (здесь и далее курсив мой. — *Е.Г.*)»; очевидно, около этого времени укрепления городка обновлялись¹¹⁵.

Один из документов конца 80-х годов XVII в. свидетельствует, что к тому времени «юрисдикция» Ямгурчюева городка изменилась: он попал в список «оброчных мест», где располагались «подвижные полки и скамьи» (торговые места), на которые передавался откуп¹¹⁶. По-видимому, в связи с ростом Астрахани ногайский улус переместился в другое место. Упомянутый рисованный план Астрахани начала XVIII в. на месте Ямгурчюева городка отмечает «Яицкой рыбный двор», а во «Введении к Астраханской топографии» П.И. Рычкова со ссылкой на «синбирского купца Ивана Маленькова», «человека любопытного» и в Астрахани «многократно и немаловременно» бывавшего, об этом городке говорится как о «деревянном строении», стоявшем «на реке Кутумовой, по течению ея с левой стороны», и принадлежавшем «Казанской рыбной конторе»¹¹⁷. Это соотносится с данными о том, что в 1704 г. астраханские «рыбные ловли» были взяты в казну¹¹⁸, а все вместе может означать, что после Ямгурчюева городок, сохранивший его имя, занимало одно из подразделений царского рыбного промысла — «великого государя рыбный двор».

Такие рыбные дворы были во многих волжских городах и представляли собой центры управления рыболовцами артелями, разбросанными по берегам Волги, — ватагами. Если «ватажный стан» состоял из легких построек, предназначенных для первичной

обработки выловленной здесь же рыбы, то рыбный двор был одновременно базой, куда свозили рыбу из ватаг, а также перерабатывающим заводом, где ее солили, коптили, замораживали. Здесь постоянно жили приказчики и сторожа, а в путину прибывали работные люди, нанимавшиеся в ватаги, в судовые караваны, трудившиеся на самом рыбном дворе. Такой «рыбный городок» представлял собой капитальный комплекс: амбары, ледники, сушильни, поварни — десятки построек, обнесенные общей стеной. «Как правило, это были хорошо укрепленные сооружения — настоящие маленькие крепости для защиты от кочевников»¹¹⁹.

Разглядывая пиктограмму на рукописном чертеже, нужно вспомнить еще об одной функции рыбного двора: здесь не только обрабатывали, но и продавали рыбу, причем задача эта считалась одной из важнейших. Продавать рыбу купцам, транзитом следовавшим по Волге, было выгодно — не надо было тратиться на доставку; разного рода торговцы охотно покупали и свежую и замороженную рыбу прямо на рыбном дворе, так как местные цены были значительно ниже московских и нижегородских¹²⁰. А это значит, что «государев рыбный двор» выполнял и своего рода представительские функции, он должен был иметь импозантный фасад.

Известно, что выстроенный в 60-х годов XVII в. в Москве Новый гостиный двор на Ильинке — одно из казенных торговых сооружений столицы, посещавшееся иногородними и иноземными купцами, называли «наилучшим зданием» в столице¹²¹. Из описания известно, что над главными его воротами возвели восьмигранную шатровую башню с медным вызолоченным гербом, по сторонам поставили два «шатрика» поменьше, въездной проем фланкировали каменными колоннами с резьбой¹²². По-видимому, нечто подобное в промыслово-торговом, деревянном, провинциальном варианте представлял собой фасад астраханского рыбного двора¹²³, выстроенный, как показывает пиктограмма на нашем чертеже, в формах архитектуры Московской Руси.

Однако во второй половине XVIII в. С.Г. Гмелин застал Ямгурчеву слободу на берегу Кутума не нарядным «городком», а бедным предместьем, состоявшим из «одних только деревянных и по большей части мелких домов», где живут «солдаты, купцы и простые люди»¹²⁴. В качестве здешней достопримечательности Гмелин указывает две церкви Михаила Архангела — каменную и деревянную¹²⁵. Известно, что деревянный Михайло-Архангельский храм заново появился в этой слободе в 1723 г.¹²⁶, а каменный — в 1766 г.¹²⁷. Однако ни на рукописном чертеже, датированном Б.В. Александровым второй половиной XVIII в., ни на французской гравюре из Морского атласа 1764 г., ни одной церкви здесь не показано. Как не показано и комплекса морского госпиталя, построенного поблизости в 40-х годах XVIII в.¹²⁸ и нанесенного на план Астрахани 1769 г. Гмелин этот госпиталь отметил, назвав «новыми больницами», «кои построены в два жила (этажа. — Е.Г.), очень пространны, снаружи красивы и астраханской Обер-комендантской канторе делать будут всякую честь, если она и впредь о попечении больных солдат равное иметь будет попечение»¹²⁹.

Рыбную же контору, управлявшую четырьмя учугами, уже не казенными, а «подаренными по указу государыни Астраханским купцам», Гмелин нашел совсем в другом месте — на берегу канала, «позади Армянских улиц». «Немногия строения, к оной принадлежащая, суть стары и почти совсем развалились»¹³⁰, — добавляет он. Это не похоже на многоярусные, устремленные ввысь башенки рыбного двора, запечатленные на рукописном плане. И все вместе означает, что план составлен не во второй половине XVIII века, а до 1723 г.

I. ARTICLES

Еще примечательная подробность чертежа — изображение башен Деревянного города, третьего пояса укреплений допетровской Астрахани, едва ли не единственное, во всяком случае на документе русского происхождения¹³¹. Повторяющая очертания берегов Кутума и Криуши, протяженная плотная линия с примыкающими к ней пиктограммами и буквой «А» расшифрована в экспликации как «Земляной город» (*Ил. 10*). Четыре пиктограммы в виде приземистых башен без шатров, но с нависающими обламами (напусками верхних венцов сруба) и воротными проемами, соответствуют, как представляется, Уржумским, Садовым, Арбузным, Святым воротам. Для нас важно, что если на известной схеме Н.Б. Голиковой, фиксирующей ситуацию рубежа XVII–XVIII в., показано 14 башен астраханского Деревянного города¹³², а в «городовой росписи» 1709 г. их перечислено 13¹³³, то в описании астраханских строений И.К. Кирилова, фиксирующем ситуацию 1726 г., деревянных укреплений не упомянуто вовсе: «Город столичной Астрахань, каменных два города з башнями, третей земляной вал»¹³⁴.

Очевидно, к тому времени деревянные сооружения на валу обветшали и были разобраны. Четыре воротные башни, показанные на нашем плане, свидетельствуют, что план был составлен до 1726 г., в период, когда они еще стояли. Именно поэтому, из-за ветшания и исчезновения деревянной части этих укреплений, представлявших первоначально земляной вал с деревянным тыном и башнями, их стали называть Земляным городом, что закрепилось и в специальной литературе. В более ранних неопубликованных документах они именуется Деревянным городом.

До сих пор не установлено, когда появились укрепления астраханского Деревянного города. Н.Б. Голикова лишь предполагает, что «остальные *слободы* Земляного города (помимо слободок вокруг Вознесенского и Сретенского-Долбилова монастырей. — *Е.Г.*) появились не ранее 40–50-х гг. XVII в.»¹³⁵. Вопрос о времени возникновения *укреплений* вокруг третьей, внешней части градостроительной структуры Астрахани все авторы обходят молчанием, даже не пытаясь его ставить. Приблизиться к решению этого вопроса позволяют хранящиеся в Санкт-Петербурге документы астраханской Приказной палаты.

Упомянутые в делопроизводственных документах разных лет названия различных частей города, а также сведения, несущие отголоски строительных работ, позволяют установить смену этапов градостроительной истории Астрахани XVII в. Документы первой трети столетия называют части города «каменный город», «острог» и «посад»¹³⁶, что соответствует каменному кремлю, деревянным укреплениям будущего Белого города и лишены защиты слободам. В столбцах 30–40-х годов XVII в. появляются выражения «ломали острог»¹³⁷, «каменное городовое дело»¹³⁸, «новый каменный город»¹³⁹, «новый приделанной город»¹⁴⁰ — все это означает замену деревянных укреплений острога каменными; в делах 1646 г. он уже назван «Белым каменным городом»¹⁴¹, тогда как кремль стали звать «старый каменный город», «кремль-город»¹⁴². Документы второй половины XVII в. называют части города «Кремль», «Белый город» и «Деревянный город»¹⁴³; последнее свидетельствует о том, что слободы посада обнесли укреплениями.

Более того, архивные документы позволяют локализовать время появления Деревянного города с достаточной точностью. В сентябре и октябре 1661 г. появляется упоминание Татарских деревянных ворот¹⁴⁴, в ноябре 1661 г. впервые упоминаются Арбузные ворота¹⁴⁵, в ноябре и декабре того же года — Калиточные¹⁴⁶ (вели в Архиерейские сады)¹⁴⁷, в том же декабре — Трухменские¹⁴⁸. Название же «Деревянный город» впервые встречается в документах 1663 г.¹⁴⁹. В тот же период (в 1662 г.) в столбцах проходит выражение «Новый нагайский деревянный город, где живет мурза Ямгурчей»¹⁵⁰. Значит, в начале 60-х годов XVII в. различные деревянные укрепления в Астрахани и строили и обновляли¹⁵¹.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Чем это было вызвано? Что происходило тогда в городе? Астраханская историография отвечает, казалось бы, точно: «1660 год. Нападение на Астрахань татар. Белый город сожжен. Жители спаслись в кремле. Воевода умело отразил нападение, положив несколько тысяч неприятеля. В память этого до 1700 г. ежегодно 18 января совершался крестный ход»¹⁵². Понятно, что после таких разрушений при сохранявшейся угрозе набегов разросшийся город следовало укрепить; отсюда естественный шаг — строительство стен, которые оградил бы слободы посада, сделали более защищенным Белый город. Все вроде бы сходится, но смущает то, что автор приведенного сообщения, А.Н. Штылько, ссылается не на первоисточник, а на труд первой трети XIX века, который к тому же относит это событие к другому периоду: «При Рафаиле, четвертом архиепископе Астраханском и Терском (бывшем в этом сане, как говорит тот же источник, до 1645 г.¹⁵³. — *Е.Г.*), было нашествие на Астрахань киргиз-кайсаков в январе месяце. Город обложен был ими со всех сторон: жители, жившие вне кремля, введены были в кремль, и какие были домики вне Белого города и около кремля сожжены, и народ укрывался внутри городских стен. Город находился в обложении 3 дня, но расторопностию воеводы и благоразумием стольника Семена Прозоровского враги счастливо были отражены и побиты наголову... в один час положено их около стен кремлевых и городских более 100 тыс. человек...»¹⁵⁴. Недостовверные подробности вроде баснословного количества побитых врагов, ошибочное упоминание Семена Прозоровского¹⁵⁵ ставят под сомнение все приведенное сообщение этого источника, который и помимо того известен ошибками и неточностями. Однако использовал же это сообщение А.Н. Штылько, причем, что для нас важно, отнес именно к 1660 г., хотя и не пояснил почему¹⁵⁶. Его резоны подтверждаются вышеприведенными документами о времени появления Деревянного города и более широким контекстом того периода русской истории, подробности которого к тому же позволяют уточнить вопрос о том, какие именно «татары» напали на Астрахань в 1660 г.

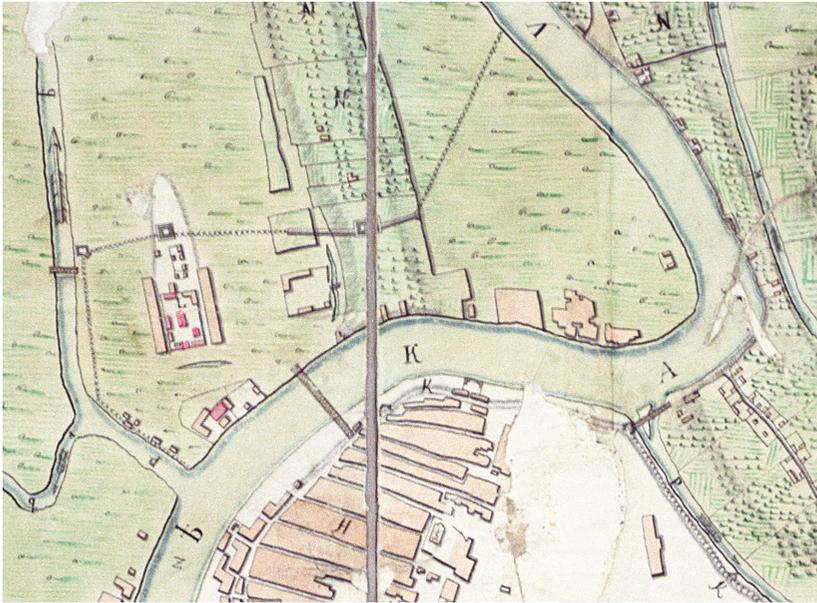
Период был непростым: шла тяжелая русско-польская война 1654–1667 г., в которой Украина то присоединялась к Московской Руси, то переходила на сторону Польши; тогда же разразился экономический кризис, случился Медный бунт, произошло Башкирское восстание. Если же сузить время рассмотрения, то обнаружится следующее. В июне 1659 г. — поражение русских в сражении с войсками украинского гетмана И.Е. Выговского и крымского хана Магмета Гирея¹⁵⁷. В сентябре 1660 г. русские войска под командованием князя Ю.А. Долгорукого остановили наступление поляков¹⁵⁸. В октябре того же года — капитуляция русских войск, окруженных польскими после перехода гетмана Юрия Хмельницкого на сторону Польши¹⁵⁹. В том же 1660 г. специалисты упоминают и «поход крымских татар против русских»¹⁶⁰. В 1662–1664 г. разразилось Башкирское восстание, о котором историки среди прочего сообщают, что все крупные выступления башкир «совпадали по времени с осложнениями в русско-турецких и русско-крымских отношениях» и что, «возможно, известную роль в их подготовке играло подстрекательство Турции и Крымского ханства»¹⁶¹, бывшего союзником Польши в той войне. Кроме того, из рассуждений специалиста можно понять, что набеги башкир случались и до 1662 г.¹⁶².

Возможно, нападение в начале 60-х годов XVII в. на Астрахань было скоординированной крымско-башкирской акцией, осуществленной в условиях, когда все силы русской армии сосредоточились на западном театре русско-польской войны, а город на юго-восточной окраине не имел достаточной защиты. Окончательный ответ на этот вопрос оставляю астраханским историкам. Ясно одно: укрепления Деревянного города появились в Астрахани именно в это время, и скорее всего после разорения слобод и Белого города набегом кочевников, использовавших сложнейшую для России военно-политическую международную обстановку.

I. ARTICLES

Важно учитывать, что на протяжении всего XVIII в. фортификации внешнего астраханского города, называвшегося теперь форштадтом, существовали, хотя в совершенно ином виде. Местная власть была озабочена его обороноспособностью, как и состоянием ветшавшей на глазах каменной крепости, на стены и башни которой «уже и пушек поставить нельзя», как доносил в 1734 г. инженер-капитан-поручик Иван Володимеров, «ибо от пушечного сильного ударения могут от ветхости своей более повредитца и упасть, от чего может зделатца подавление и утрата людей»¹⁶³. В 1739 г. по инициативе губернатора И.П. Измайлова о плачевном состоянии астраханских укреплений докладывали фельдмаршалу Б.Х. Миниху, президенту Военной коллегии и «над фортификациями обер-директору»¹⁶⁴. Позже полученные Санкт-Петербургом от посланника в Персии известия о намерениях Надир-шаха идти на Северный Кавказ повлекли «секретное предписание о нынешних персидских обстоятельствах». «Крепости Астраханскую и Кизлярскую ко отпору в надежное состояние немедленно и всеконечно привесть» — гласил указ из столичной Фортификационной конторы¹⁶⁵. В начале 40-х годов XVIII в. по присланному из Санкт-Петербурга проекту инженера И.Л. Любера-са под руководством астраханского коменданта полковника Федора Кнутова, инженер-капитана Кутузова и артиллерии капитана Малыгина строились укрепления нового типа — «по регулам инженерным», по европейским правилам¹⁶⁶. «Около посадов, которая за городом, где живут по большей части татары, хивинцы, индейцы, бухары и персияны, зделать некоторую защиту, — писал комендант Кнутов губернатору В.Н. Татищеву, — по присланному плану в показанных местах, как при крепости, так и круг слобод, батареи, и редуты, и линии заложены и строены мною как надлежит... А дом Ея Императорского Величества (загородный царский дворец на Скакольном бугре, у Кутума. — *Е.Г.*) и слободы... покрыты редутами, ретранжаментом, батареями, обставляя по брустверу турами, також полисадами и рогатками...»¹⁶⁷. В.Н. Татищев, имевший инженерное образование, работой астраханских военных строителей был категорически недоволен, критиковал их и писал в центр, что «строенные здесь полковником и комендантом Кнутовым круг крепости и в ретранжаменте многие батареи недостаточную дефензию имеют»¹⁶⁸, то есть плохо организованы для обороны («затем что некоторыя хоронным строением закрыты, другие за непристойным заложением и учреждением амбразур фланки надлежащем [образом] очищать не могут...») ¹⁶⁹. Споры вокруг проекта и строительства укреплений кипели нешуточные, В.Н. Татищев вконец испортил отношения с возглавлявшим тогда военно-инженерное ведомство России генерал-фельдцейхмейстером Людвигом, принцем Гессен-Гомбургским, однако добился своего. На плане Астрахани, составленном местными инженерами около 1744 г., можно видеть осуществленные фортификации нового типа: батареи, редуты и рогатки (*Ил. II*).

Через 20 лет в ожидании новых опасностей эти укрепления обновляли. Инженер-майор Василий Левин доносил из Астрахани осенью 1762 г.: «По причине дошедших известей о походе хана крымскаго чрез Ачаковскую степь и о намерении ево нападение учинить на крепость Св. Анны, на запорожские жилища и на Низовую Сербию велено иметь накрепчайшую предосторожность. Насыпать землю на берегу реки Волги, у Татарскаго перевоза, старой редут, который был построен в [1]741 году камендантом Кнутовым от реки Волги до Троицкаго саду. По Киселеву бугру вновь зделать земляных редантов три, позади Троицкаго саду по обрубку старых редантов три, от Троицкого саду до делающагося канала из Кутумовой плотины старых редантов пятиугольных три, триугольных два, редут один. От реки Кутумовы вверх по берегу реки Луковки вокруг адмиралтейских прежних лазаретов и Ивановского мужского монастыря до реки Кутумовой старых редутов три. И около всех редутов и редантов поделатъ небольшие рвы, ис которых землю употребить на насыпку тех редутов и редантов. И вместо бруствера на оные поставитъ сплетенные из хвороста и

Ил. 11. Обозначение фортификаций нового типа на плане Астрахани. Инженер-майор Петр Кутузов (?). Ок. 1744 г. (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 718. Фрагмент)

насыпанные землею ж туры, которые заготовить возможно близ Астрахани за Волгою рекою... Между всеми редутами и редантами поставить рогатки, у которых по концам брусьев были б железные петли и крючья, дабы неприятель оные, приближась, скоро не мог разорвать и тем пройти внутрь, в обывательские строения... Батареи можно построить в тех местах, где будет потребно, ис плетеных туров... Построенные по берегу реки Волги к Цареву протоку татарские слободы обставить с трех сторон полисадником и по углам, изнутри, для постановления пушек зделать четыре батареи. Да на Кулакове бугре построенные казенной дом и слободы, где жительство имеют служители казенных виноградных садов, с трех же сторон обставить полисадником и по углам по тому ж зделать земляные батареи, ибо оные слободы по дальнему расстоянию из города очищать не можно...»¹⁷⁰.

Ничего подобного на нашем чертеже мы не видим, хотя он запечатлел остатки допетровских деревянных укреплений. Можно ли после этого считать, что план составлен во второй половине XVIII в.?

Есть и другие датирующие признаки, заключающиеся не в том, какой набор объектов дан на чертеже, а в том, как они показаны.

Во-первых, архаичен использованный при составлении чертежа метод «развертки», когда пиктограммы показаны не с одной точки зрения, а таким образом, что для их восприятия нужно разворачивать чертеж в разные стороны. Этот способ, предполагающий не одну, а множество точек перспективы, характерен для средневековых чертежей и является анахронизмом уже для документов 30-х годов XVIII в.

Ил. 12. Картуши экспликации и масштабной шкалы, а также инвентарные номера на рукописном плане Астрахани. Ок. 1721 г. (ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720. Фрагмент)

Во-вторых, архаично произвольное использование цвета. Почти вся застройка (кроме вытянутых в ряд домиков Садовой слободы, стен и башен Деревянного города) показана на чертеже красным цветом, что во второй половине XVIII и особенно к началу XIX в. станет обозначением каменных строений, тогда как деревянные обозначались желтым. Однако такого количества каменных храмов, монастырей и прочих зданий, какое помечено на нашем чертеже красным, в Астрахани XVIII в. попросту не было.

В-третьих, примитивно и скупо представлена на чертеже, как уже говорилось, гидрография территории вокруг Астрахани. Чертежи середины и второй половины XVIII в. показывают волжские протоки, ерики, ильмени более подробно и точно.

Ориентация чертежа на юг типична для древнерусской картографической традиции.

Архаикой является и следующим образом изложенный на чертеже масштаб: «Скала, или маштап, 6-ти футовыхъ саженъ рейландскихъ, всякой футъ содержитъ 12 дюймовъ рейландскихъ или аглинскихъ»¹⁷¹.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Орнаментика картушей — обрамлений экспликации и масштабной шкалы — сделана в стилистике русского искусства XVII в. и петровского барокко: сочные растительные завитки, наивные цветы, красно-зеленая гамма — все это никак не относится к декору второй половины XVIII в. (Ил. 12), зато близко оформлению миниатюр такой, например, рукописи первой половины XVIII в., как «История Петра Великого» П.Н. Крекшина из собрания Государственного исторического музея (Ил. 13).

Датировать бумагу чертежа по филиграну в узких пределах не позволяет множество «заплаток» на оборотной стороне листа, вызванное его ветхим состоянием: видимые фрагменты относятся к знаку («лилия на щите под короной, лигатура WR, контрамарка не ясна»), который использовался с первой половины XVII в. по вторую половину XVIII в.¹⁷².

Важнейшим подтверждением ранней датировки служит сделанная с чертежа в 1726 г. копия, о которой речь впереди.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что рассмотренный рукописный план Астрахани из собрания ОР БАН, во-первых, является первоисточником гравюры из французского морского атласа, а во-вторых, составлен в первой четверти XVIII века.

Петровские геодезисты в Астрахани

Перечисленные отражения городских реалий, а также стилистические и прочие особенности уточняют время создания рассматриваемого чертежа как период между 1720 и 1722 г. Зафиксированные здесь астраханский «Аптекарский огород», устроенный в 1720 г., а также Сретенский Долбилов монастырь, в 1722 г. упраздненный, — наиболее яркие индикаторы этих хронологических рамок.

Кто мог составить в те годы этот астраханский чертеж? Ответ, хотя и не лежащий на поверхности, дают источники по истории картографии Петровского времени.

Известно, что 9 декабря 1720 г. вышел указ Петра I «О посылке учеников из С.-Петербургской (Морской. — Е.Г.) Академии для сочинения ландкарт»¹⁷³, положивший начало систематической инструментальной съемке территории страны. Работы начались и продолжались до 1752 г.; в них участвовали сотни геодезистов, которых позже назвали «пионерами русской картографии»¹⁷⁴. Результатами их трудов стали первые генеральные карты России «Атлас Всероссийской империи» И.К. Кирилова 1734 г. и «Атлас Российский» Академии наук 1745 г., а также огромное количество рукописных «ландкарт».

О петровских геодезистах существует немало специальной литературы, по разным источникам установлено около трех сотен их имен¹⁷⁵. Есть среди них и те, кто работал в Астрахани, причем документы свидетельствуют, что начинали они до указа 1720 г. о «сплошной» съемке страны. Известно, что отдельные поручения по картографированию выполнялись и раньше: в 1717 г. Федор Молчанов был направлен «для описания в Сибирскую губернию»¹⁷⁶, в 1718 г. Федор Лужин и Иван Евреинов — на Камчатку и Курилы¹⁷⁷, в 1719 г. Михаил Игнатьев и Федор Балувев — с посольством в Китай «для счисления пути и сочинения ландкарт»¹⁷⁸. Таким же локальным заданием стали, очевидно, и работы в Астраханской губернии.

Главным документом, устанавливающим факт посылки в Астрахань петровских геодезистов и даже называющим их имена, является «Доношение» директора Морской академии Г.Г. Скорнякова-Писарева от 14 декабря 1720 г., отвечающее на цитированный царский указ о начале государственной съемки. Донося о своих подопечных, которые должны быть посланы «в губернии для сочинения ландкарт», директор заявил, что «оных и нет во Академии налицо», и привел «реэстр» уже разосланных «на места», «сколько куда в росылках». Именно в этом списке значатся: «В Астрахани Игнатий Чичерин, Аверкий Толубеев, Андрей Сипягин и Григорий Макаров»¹⁷⁹.

Ил. 13. Орнаментальная рамка-заставка и миниатюра «Восставшие стрельцы». Бумага, акварель. Первая половина XVIII в. (из сочинения П.Н. Крекшина «История Петра I». ГИМ). Пример декора в стиле наивного петровского барокко

О том, что они не только были посланы, но и добрались до Астрахани, свидетельствует документ из астраханского архива времени Персидского похода¹⁸⁰, цитируемый местным краеведом: «...Еще раньше в Астрахань прибыл геодезист Игнатий Чичерин с учениками "для описи разных мест"»¹⁸¹. Их работу в Астраханской губернии фиксируют другие аутентичные источники. «Список Санктпетербургской Академии служителем и школьником, которые из шляхетства, и кто имяны и у каких дел...» перечисляет всю нашу четверку «обретающейся» в феврале 1723 г. в Астраханской губернии¹⁸². Еще один документ гласит, что указанные четверо геодезистов в 1726 г. явились в Сенат «и той губернии [Астраханской] лант карту подали»¹⁸³. Собственные их прошения и сенатская справка января 1732 г. говорят об «ими сочиненных и представленных в 1726 г. в Правительствующий Сенат и Камер-коллегию ландкартах Астраханской губернии»¹⁸⁴. И, наконец, гравюра из атласа И.К. Кирилова «Карта Волги реки от Саратова до морского устья»¹⁸⁵ имеет в картуше указание авторов: «Описывали и рисовали геодезисты Аверкий Тулубеев с товарищи»¹⁸⁶.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Инициатором геодезических работ в Астрахани, начавшихся до петровского указа о «сплошной» съемке страны, стал губернатор А.П. Вольтинский. Назначенный на этот пост 15 марта 1719 г. и ознакомившийся на месте с положением дел, он направил в Сенат известное «Донесение» от 30 июня того же года. В этой своего рода программе обустройства края А.П. Вольтинский писал о нехватке специалистов, среди которых в пункте 18 просил «определить в Астрахань искусного инженера и несколько из кондукторов или из учеников, понеже там есть в том нужда для осмотра крепостей и мест тамошних»¹⁸⁷. Поясним, что кондукторами называли тогда военных чертежников, а «осмотрением», как и «описанием мест», съемку и картографирование территории. Обратим внимание и на то, что цитированный документ Астраханского архива называет прибывших «геодезист Чичерин с учениками». Это не означало, что Чичерин был учителем для остальных, но что он уже получил звание геодезиста, тогда как другие, не успевшие закончить высший этап обучения, имели пока звание «геодезии учеников», и именно подобным образом формулировал свой запрос А.П. Вольтинский («несколько из кондукторов или из учеников»), очевидно, знавший о недостатке соответствующих кадров¹⁸⁸. Сенат указом от 6 июля 1720 г. утвердил все изложенные в донесении А.П. Вольтинского предложения, фактически превратив их в инструкцию. В ответ на цитированный пункт 18 об определении специалистов для «осмотра мест тамошних» астраханскому губернатору было поручено провести «самые подробныя изыскания», «лично осмотреть места, удобныя к поселению, описать их все подробно, составить им специальные чертежи и подробную карту»¹⁸⁹.

Из вышеизложенного следует, что названная четверка геодезистов прибыла в Астрахань вследствие запроса А.П. Вольтинского и последовавшего на него указа Сената, а значит в период между 6 июля 1720 г. (дата сенатского указа) и 14 декабря того же года (дата цитированного донесения директора Морской академии об уже разосланных на места, в том числе в Астрахань, геодезистах).

Сведения об этих работавших в Астрахани картографах в литературе не столь подробны, как о некоторых других петровских геодезистах, таких, например, как Аким Клешнин, чья карта Кексгольмского уезда 1727 г. была принята за образец и разослана его коллегам¹⁹⁰, как братья Андрей и Василий Красильниковы, Алексей Чириков¹⁹¹, Петр Чичагов¹⁹². Тем не менее на каждого из нашей четверки есть «досье» в так называемом Каталоге Гольденберга¹⁹³ — коллекции материалов, опубликованных А.В. Постниковым¹⁹⁴. Познакомимся с ними поближе.

«Макаров Григорий (нач. XVIII в. — после 1726 г.), геодезист. Впервые упоминается в 1711 г. В 1720 г. с Игнатием Чичериным, Андреем Сипягиным и Андреем Толубеевым командирован в Астраханскую губернию, где занимался съемками до 1724 г., когда был отправлен в Москву. По списку 1727 г. числится вместе с А. Герасимовым, посланным в Архангелогородскую губернию, причем геодезисты "описали Архангелогороцкую провинцию и из оных геодезист Макаров декабря с первого числа 1726 году из Устюжской провинции съехал и по посылкам не сыскан..."»¹⁹⁵.

«Сипягин Андрей Афанасьевич (нач. XVIII в. — после 1744 г.), геодезист. В 1720–1726 гг. работал на съемках Астраханской губернии вместе с Игнатием Чичериным, Григорием Макаровым и Андреем Толубеевым. В 1727 г. числился в списке геодезистов Академии, а в 1729 г. переведен в Сенат "для прочих посылок". В 1734 г. включен в состав геодезистов, работавших под непосредственным руководством И.К. Кирилова. С 1737 г. числится на

I. ARTICLES

службе в Конюшенной канцелярии. Последний раз Сипягин упомянут в 1744 г. в качестве геодезии капитана "у надзирания во обучении содержащихся в Хорошевской школе¹⁹⁶ учеников конюховых детей арифметике, геометрии и планометрии и у исчисления на конюшенное вновь строение и на починки старых лесных припасов и прочего..."¹⁹⁷. Добавим к этой информации обнаруженный чертеж середины XVIII века «Карта Абовского уезду...», заверенный Сипягиным: «Поверял минерной роты капитан-поручик Сипягин»¹⁹⁸, который свидетельствует о переходе нашего геодезиста в военное ведомство, а также о том, что и здесь он использовался как эксперт-картограф.

«Толубеев Аверкий (нач. XVIII в. – после 1763 г.), геодезист. В 1720–1726 гг. вместе с Игнатием Чичериным, Григорием Макаровым, Андреем Сипягиным занимался съемками и картографированием Астраханской губернии. С 1731 г. числился при Сенате (по указу Сената от 18 апреля 1731 г. послан в Сибирь с полковником Кошелевым и еще тремя геодезистами¹⁹⁹. — *Е.Г.*), откуда в 1734 г. направлен в Комиссию конных заводов генерал-майора Волынского. Судя по всему, в 40-х – 60-х гг. 18 в. занимался различными межевыми съемками; в последний раз упомянут в 1763 г. как капитан геодезии Аверкий Толубеев, направленный премьер-майором Сомовым для размежевания земель»²⁰⁰. Добавим, что в «Списке геодезистам и геодезии ученикам, которые по указам Правительствующего Сената и Адмиралтейств-коллегии посланы для описания и сочинения лант карт в губернии и провинции и в прочие места...» июля 1727 г. Аверкий Толубеев числился уже геодезистом и значился посланным с полковником и Адмиралтейств-коллегии советником Козловым и тремя геодезии учениками в Казань²⁰¹.

«Чичерин Игнатий (нач. XVIII в. – ?), геодезист. С 1720 по 1726 гг. находился на съемках Астраханской губернии с Андреем Толубеевым, Андреем Сипягиным, Григорием Макаровым»²⁰².

Список имен русских геодезистов, составленный Ф.А. Шибановым, прибавляет к этим сведениям важную подробность — время поступления каждого на государеву службу, то есть на обучение в Математико-навигационную школу: Григорий Макаров — 1711 г., Андрей Сипягин — 1711 г., Аверкий Толубеев — 1709 г., Игнатий Чичерин — 1708 г.²⁰³. Эти данные позволяют понять, почему Чичерин прибыл в Астрахань геодезистом, а остальные учениками: он был самым старшим если не по возрасту, то по годам учебы. Вторым по старшинству (учился с 1709 г.) хотя и не геодезистом еще, а «геодезии учеником» был тот самый Андрей Толубеев, которым подписана упомянутая карта из Атласа Кирилова.

А. Толубеев, по-видимому, был неформальным лидером группы, наиболее энергичным, ответственным, продуктивным. Об этом говорят и упомянутая подпись на карте, и едва ли не самый длинный перечень его геодезических занятий, выявленных по документам. Добавим к ним два обнаруженных неопубликованных чертежа с его подписью: «План пристани при впадении сплавной реки Ташевки в Волгу»²⁰⁴ и «План Беловольской пристани на реке Волге»²⁰⁵. Для нашей темы важно, что оба чертежа имеют много общего с рассмотренным планом Астрахани — и сопоставимый масштаб, и прямоугольную проекцию, и архаичный набор условных обозначений. Пиктограммы «хором на пристани», здания церкви, крестьянских домов, холмики рельефа, напоминающие «соляные бугры» у Астрахани, обозначение значками-деревьями растительности в пойме реки подобно тому, как обозначены астраханские сады, — во многом узнается тот же почерк. Однако на этих чертежах, датированных второй четвертью XVIII в., стоит, в отличие от плана Астрахани, авторская подпись на латинице: «Geodesiste Averkai Toloubiev». Очевидно со временем укреплялось профессиональное самосознание автора, а, кроме того, в России приживалось обыкновение подписывать свои работы.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Подпись А. Толубеева есть еще на одном примечательном документе — коллективном «доношении» 37 геодезистов января 1732 г., вошедшем в историю отечественного межевания как иллюстрация борьбы разных европейских «школ» геодезической съемки на отечественной почве («борьба между теодолитом и мензулой»), а также как проявление роста самосознания русских геодезистов. Некий «иноземец Гохмут» из Лифляндии, ревизовавший работу по размежеванию земель, донес в Сенат, что «те геодезисты землемерного дела науку знают весьма мало... и хотя у них астролябия и есть, но с оным инструментом в землемерном деле подлинного действия учинить невозможно...». Возмущенные этим отзывом русские специалисты, имевшие за плечами более чем 10-летний опыт работы, категорически возразили: «Оной иноземец Гохмут... инструменты наши объявил, что они к тому межевому делу негодны, а предъявил свой инструмент, которой к нашей должности к тому межевому делу и негоден... И объявил... что мы, низжайшие, по его объявленному инструменту межевать не умеем и геодезической должности не знаем. А мы... в той науке Ея Императорского Величества служим у описи ландкарт и у межевания земель с означенным инструментом теодолитом безпорочно, в чем нас... в той науке свидетельствовал Санкт-Петербургской Академии г-н профессор Фархварсон, а какая наша наука, о том известен Правительствующий Сенат». И представили для убедительности плоды своих трудов: «И при сем для лучшего свидетельства предъявляем... ландкарты и планы, у которых мы, нижепоименованные, у дел были»²⁰⁶. Третьей среди 37 «нижепоименованных» стоит подпись Аверкия Тулубьева; не исключено, что он был одним из инициаторов этого акта изъятия профессионального достоинства²⁰⁷.

Возвращаясь к астраханским геодезистам, отметим тот факт, что съемки в Астраханской губернии были для всех четверых первой самостоятельной профессиональной работой. При этом для двоих они оказались едва ли не последними. Так, сведений о других работах самого старшего, имевшего уже звание геодезиста, Игнатия Чичерина, до сих пор не выявлено. Возможно, он заболел и был вынужден уйти в отставку, быть может даже погиб, во всяком случае, в дальнейшем никак себя не проявил. Один из «младших», учившихся с 1711 г. Григорий Макаров, исчез из документов в декабре 1726 г., будучи отозванным из Астрахани в Москву, а затем посланным в Архангельск.

Стоит еще отметить, что те двое, кто продолжили карьеру, позже оказались связанными по службе с А.П. Волынским, с возглавлявшимся им с 1732 г. Дворцовым конюшенным ведомством: Сипягин работал в Конюшенной конторе, Толубеев — в Комиссии конных заводов, называвшейся «Комиссией Волынского»²⁰⁸. А недавно стало известно, что «геодезист Андрей Сипягин» в 30-х годах XVIII в. служил в доме Волынского — «обучал арифметике и геометрии детей Артемия Петровича»²⁰⁹. В этом очевидно проявились связи, налаженные во время съемок в Астрахани.

Недостаток информации о конкретных геодезистах возмещают собранные историками картографии общие сведения о их деятельности.

Из приведенной информации о нашей четверке можно понять, что они учились сначала в Московской Математико-навигационной школе, а затем в Петербургской Морской академии. Известно, что в Навигацкую школу ученики зачислялись в возрасте от 12 до 17 лет, а с 1710 г. — до 20 лет. Известно также, что до 1726 г. никаких сроков обучения установлено не было: продолжительность учебы зависела от уровня общей подготовки и способностей ученика. В 1726 г. такие сроки были приняты: в Морской академии — 6 лет 9 месяцев, в

I. ARTICLES

Навигацкой школе — 4 года. Специалисты считают, что в среднем учеба не превышала 5–8 лет. Иногда она прерывалась служебными командировками на практическую работу по запросам из Сената или коллегий (например, Федор Кучин учился с перерывами с 1708 по 1721 г.)²¹⁰. Исходя из этого, о возрасте работавших в Астрахани геодезистов можно сказать, что в 1720 г. им могло быть от 17 до 29 лет.

Социальный состав этой группы определяет цитированный «Список Санктпетербургской Академии служителем и школьником...» февраля 1723 г., перечисляющий фамилии нашей четверки среди тех, «которые из шляхетства», то есть из дворян.

Достаточно ясным представляется и следующее: по запросам государственных ведомств на «описание мест и сочинение ландкарт» посылались наиболее подготовленные «для практики» воспитанники; именно такими должны были быть и геодезисты, направленные в Астрахань. Коснемся вопросов их подготовки.

Из набора учебных дисциплин видно, что Навигацкая школа давала как профессиональное, так и общее образование. На первом этапе преподавалась русская грамота, арифметика, геометрия. После усвоения тригонометрии, плоской и меркаторской навигации в Морской академии сдавали экзамен и получали звание «геодезии учеников». Звание «геодезист» присваивалось после обучения геодезии, сферической тригонометрии, рисованию, «сочинению ланд- и зейд- (сухопутных и морских. — *Е.Г.*) карт» и сдачи соответствующего экзамена. Кроме того, преподавались практическая астрономия, ведение судового журнала, общая и математическая география, а также «рапирная наука» (фехтование).

Преподавателями основных дисциплин были приглашенные в 1698 г. из Лондона профессор математики Эбердинского университета Генри Фарварсон, «навигаторы» С. Гвын и Р. Грейс, а также русский математик, автор знаменитой «Арифметики» Л.Ф. Магницкий.

«Первоначально Московская Математико-навигацкая школа находилась в ведении Оружейной палаты, которая в XVII в. была главной "кузницей кадров" русских "чертежников". В 1706 г. школа передана в ведение Приказа морского флота, а в 1712 г. — Адмиралтейской канцелярии, которую возглавлял Ф.М. Апраксин. С 1702 г. школа находилась в здании Сухаревой (Сретенской) башни, где и оставалась до упразднения указом от 15 декабря 1752 г. Еще в 1701 г. в Сухаревой башне была оборудована первая в России астрономическая обсерватория. Сухаревская обсерватория имела в своем распоряжении астрономические зрительные трубы, квадранты, секторы, ноктурналы и градштоки. Основатель обсерватории сподвижник Петра I, известный государственный деятель XVIII в. Я.В. Брюс обеспечил возможности ее использования в качестве базы для практических занятий по прикладной астрономии учеников Московской Математико-навигацкой школы. Сам Я.В. Брюс принимал непосредственное участие в учебном процессе... В 1715 году ученики Навигацкой школы (всего 293 человека) вместе с Фарварсоном и Гвыном были переведены в Петербург, в Морскую академию, где с этого времени и осуществлялась подготовка основной массы геодезистов»²¹¹.

Добавим еще несколько слов специалистов о концептуальных и методологических ориентирах, определявших содержание обучения.

«Поскольку первыми учителями петровских геодезистов были Фарварсон и Гвын, английская топографо-геодезическая школа на начальном этапе оказала наибольшее влияние на формирование новых приемов картографирования и подготовку квалифицированных кадров в России в XVIII в. В Англии этого периода господствовала астроябическая съемка²¹² в отличие от Франции, где предпочтение отдавалось мензульной съемке²¹³. Астроябические ходы легко были внедрены в практику русской полевой картографии...

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

не последнюю роль в этом сыграла близость методики съемки посредством астролябии компасным маршрутным съемкам по рекам и дорогам, которые были обычны в практике составления русских географических чертежей [XVI–XVII вв.].

...Если в области практической, полевой картографии новые профессиональные навыки русских геодезистов формировались в основном под влиянием английских традиций... то в части обзорной картографии и географии наибольшим влиянием пользовалась французская школа математической географии, которая считала основной целью географической науки определение координат широты и долготы различных пунктов на земной поверхности и геометрически точное изображение стран и районов земного шара на карте»²¹⁴.

Констатируя влияние разных европейских школ на формирование научной картографии в России, специалисты в то же время выявили «национальную методику», принятую для русских съемок первой трети XVIII в., назвав ее «талантливо задуманной системой сочетания точных съемок с использованием распросов»²¹⁵. «В связи с ограниченностью времени и средств... широко использовалась ускоренная и упрощенная методика, сочетавшая инструментальные определения с опросами»²¹⁶. Съемки, проводимые по этой методике, назывались полуинструментальными или рекогносцировочными: для измерения линий употреблялась железная «мерительная» цепь длиной в 10 или 30 сажен, измерения румбов производились астролябией или «феодолитом» с диоптрами и компасом, а кроме того, предписывалось выявлять расстояния «по скаскам обывателей», то есть из распросов («Видимое положение примечания достойных мест между собой наблюдать, а потом спрашивать тех людей, которые землю ту знают и по оной часто ежжали, сколько верст от того места, где кто стоит, до примеченных мест считается, ибо таким образом не трудно положение мест между собой, течение рек и прочее снять на бумагу и сочинить карту той земли, которую видеть можно»)²¹⁷. Обусловленная историческим моментом методика принесла свои плоды: «Элементарная постановка дела, соответствовавшая уровню техники того времени, не обеспечивала точности, но служила залогом выполнения государственных карт в сравнительно короткий срок», — констатирует один из специалистов²¹⁸.

Выразительная картина «жизни и трудов» петровских геодезистов открывается из выявленных исследователями архивных документов: челобитных и донесений, всевозможных справок, «экстрактов», «сказок», а также аттестатов, составлявшихся учителями, «клятвенных обещаний» (присяги), обязательств о явке в срок к месту службы, паспортов, наказов и инструкций по производству работ, «удостоинств» (характеристик с представлениями к награждению чинами и жалованием) и прочего²¹⁹. Будучи «особливо всегда потребны» и в армии, и во флоте, и при строительстве дорог, укрепленных линий, гидротехнических сооружений, а также в различных походах и экспедициях, геодезисты «имели немалой труд и претерпевали великие нужды», как сами они писали в челобитной 1732 г.²²⁰. По штату геодезисту полагалось жалованье в 6 рублей в месяц, геодезии ученику в 3 рубля, в особых случаях (дальние или особо ответственные посылки) — двойное. Петровский указ от 22 декабря 1720 г., дополнявший упомянутый указ от 9 декабря о сплошной съемке, пояснял: «...А жалованья оным давать тех губерний из доходов... да для разъездов, когда те карты будут делать, давать ямские и уездные подводы, где какие обретаются... губернаторам и воеводам за ними смотреть, чтоб они без дела не были и даром жалованья не брали. А когда которой губернии, или провинции, или уезда ландкарту сделают, присылать таковыя в Сенат и Камор-коллегию немедленно...»²²¹. У местных властей, как водится, не хватало ни средств для своевременной выплаты жалованья, ни транспорта. «От пустот мест и от великой скудости пропитания... иногда принуждено было есть суммы и ремни сыромятные, отчего, також и от ходьбы... и от тягчайших тамо воздуху бывал в смертельных

I. ARTICLES

болезнях», — писал геодезии поручик Василий Шетилов²²². «И ездили на собаках, а инде и пеши, на лыжах, где подводы взять было негде, хотя и претерпев тогда немалую нужду и голод», — вспоминали геодезисты сибирской команды Петра Скобельцына. «Всегда в великом труде и нужде», — заключал геодезист Федор Кучин²²³.

В Астраханском крае картографов подстерегали специфические местные трудности: «великие жары» летом; «прежестокые погоды» зимой; половодья, препятствовавшие полевым работам; необозримые степные пространства, где не укрыться от палящего солнца или студеного ветра; «опасность от кочевых народов», опустошавших степь набегами и угонявших в плен. И, конечно, традиционное самодурство «начальных людей», чиновничий произвол. Астраханский губернатор Вольнский был в этом смысле характерным персонажем, «прославившимся» избиением поэта В.К. Третьяковского, истязаниями мичмана князя Е. Мещерского; «засветился» он и инцидентом с геодезией учеником Лопыревым, который за «некоторые предрезности» был «штрафован и написан в матросы»²²⁴. (Известны и более тяжелые последствия столкновений петровских геодезистов с местной администрацией: геодезист Василий Шишков, в течение 10 лет боровшийся против казнокрадства сибирского губернатора Сухарева, был приговорен военным судом к расстрелу)²²⁵.

И все же они работали, «неусыпно старались и смотрели, что к лучшему надлежит, ничего не упустя... не взирая на приключившиеся тогда невозможности, так, как верным подданным надлежит, со всею своею прилежностью»²²⁶. Не зря деятельность первого поколения русских геодезистов названа «поистине героическим этапом в истории русской картографии».

Завершалась эта деятельность не без потерь. «К середине XVIII в., — рассказывает историк», — стали частыми их обращения по инстанциям с просьбами об отставке. Результаты медицинских обследований рисуют довольно печальную картину. Так, 42-летний капитан Гаврила Стрижевский в доношении 1745 г. писал, что, помимо «головной болезни», «в рисовании ландкарт совершенно не вижу, а когда надлежит те ландкарты рисовать и с мачтапу на мачтап уменьшать, что всегда требуется, а я исправлять того не в состоянии». 54-летний геодезист Василий Яковлев жаловался, что у него «мала память находится» от старости, дряхлости, болезней ног и «за помешательством зрения»; врачи Генерального сухопутного госпиталя, осмотрев, заключили, что Яковлев «стар и дряхл, отчего и глазами мелкие чертежи в геодезическом деле, особливо при свечах, делать не так способно может»²²⁷. Многие умерли рано: Степан Кучин в 1721 г., Иван Евреинов в 1724 г., Федор Лужин в 1727 г.²²⁸; возможно, такая же судьба постигла Игнатия Чичерина и Григория Макарова из астраханской четверки.

Другие добились высоких чинов и званий, получили ученые степени и должности в Академии наук, в Сенате, в Морской академии. Но были и скромные труженики, которые, потеряв прежнюю трудоспособность, продолжали нести просвещение в российскую глубинку: секунд-майору Гавриле Стрижевскому поручили в 1746 г. гарнизонную школу в Казани, «чтобы ученики геодезическим и протчим географическим наукам обучаемы были», как того «полезность государству требует»²²⁹; капитана Василия Шетилова назначили в Якутский полк, где «ему тамо, сверх полковой службы, обучать по ево искусству геодезическим наукам имевшихся тамо малолетних служивых чинов людей детей, и для того во оной Иркутской провинции учредить школу»²³⁰. Подобным делом, судя по всему, занимался и наш Андрей Сипягин в Хоршевской конюшенной школе.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Возвращаясь к плану Астрахани, обратим внимание на то, что результатами съемок петровских геодезистов были не только карты уездов, провинций, губерний, но и планы городов. Так, инструкция Сената геодезистам, направлявшимся в 1732 г. в Сибирь, гласила: «...Учинить каждому городу ландкарту, а под теми ландкартами всякому месту учинить опись, какие те места и уголья и чем довольствуются...»²³¹. Сохранилось таких планов немного: в Атлас Кирилова попало лишь несколько чертежей подобного жанра: планы городов Иркутска, Удинска и нескольких сибирских крепостей, помещенные на один лист (Ил. 14); в ОР БАН хранится чертеж «План, или Положение места города Кашина...», «сочиненный и рисованный» Моисеем Сметьевым и Алексеем Жихмановым в декабре 1733 г.²³²; известны и некоторые другие. Однако все они, кроме плана Москвы, составлявшегося геодезистами под руководством архитекторов И.А. Мордвинова, затем И.Ф. Мичурина²³³, а также планов Петербурга²³⁴, не стали до сих пор объектом серьезного анализа. Лишь в одной из работ отмечается, что картографированию городов при съемках петровских геодезистов «уделялось большое внимание», что планы городов в первой четверти XVIII в. «нередко продолжали составляться в древнерусской картографической манере», а с 30-х годов XVIII в., по мере совершенствования методов съемок, «решительным образом меняется картографический стиль составления планов городов и крепостей»: «исчезают физиограммы с рисунками, уступив место планам, основанным на инструментальной съемке с использованием масштаба и единообразных условных обозначений, а со второй половины XVIII в. и унифицированной раскраски»²³⁵.

Ранние чертежи петровских геодезистов, действительно, далеки от совершенства. Вот отзыв 1721 г. обер-секретаря Сената И.К. Кирилова, руководившего государственными съемками, об одной из работ его подчиненных: «...Ландкарты прислали они самого худого рисования»²³⁶. Другой пример — посылка геодезистов Якова Оголина и Якова Есенева «для сочинения вновь и поверения прежних» чертежей вместо первоначальных исполнителей, поскольку из составленных теми и присланных 18 планов «приписных к Москве» городов 10 «оказались неисправны»²³⁷. В 1721 г. каждому геодезисту вручили сенатскую инструкцию «Пункты, каким образом сочинять ландкарты»; в 1723 г. была разослана дополнительная; многочисленные инструкции составлялись и позже. Кирилов добивался единообразия, «совершенствования методики угломерной съемки», увеличения числа изображаемых географических объектов.

Результаты этой деятельности оцениваются по-разному. В одних случаях отмечается, что «не было единообразия в детальности, точности, полноте содержания карт», что «геодезисты произвольно выбирали масштабы», что не все карты были точны в геометрическом отношении, что часто не выполнялись требования об отсчете долгот от Канарских островов²³⁸ и что отдельные работы «по существу находятся на одном уровне с аналогичными чертежами допетровской эпохи»²³⁹. В других — утверждается, что на начальных этапах съемки петровских геодезистов «весьма высокие "стандарты" объема информации, представляемого картой, сформированные традиционной русской картографией, не только не были превзойдены, но... даже в значительной степени снижены», причем причиной, как поясняет автор, было то, что «во главу угла ставилась геометрическая точность карт, обеспечиваемая астрономическими измерениями», а «основной задачей съемок — получение исходных материалов для составления обзорной (генеральной) карты России»²⁴⁰. Тем не менее констатируются такие качества карт петровских геодезистов, как «полнота и правдоподобие информации»²⁴¹.

Рассматриваемый чертеж с планом Астрахани, хотя и выполненный, как следует из вышеизложенного анализа, около 1721 г., но будучи неверно датированным в Описании Александрова, не рассматривался до сих пор исследователями как работа петровских

I. ARTICLES

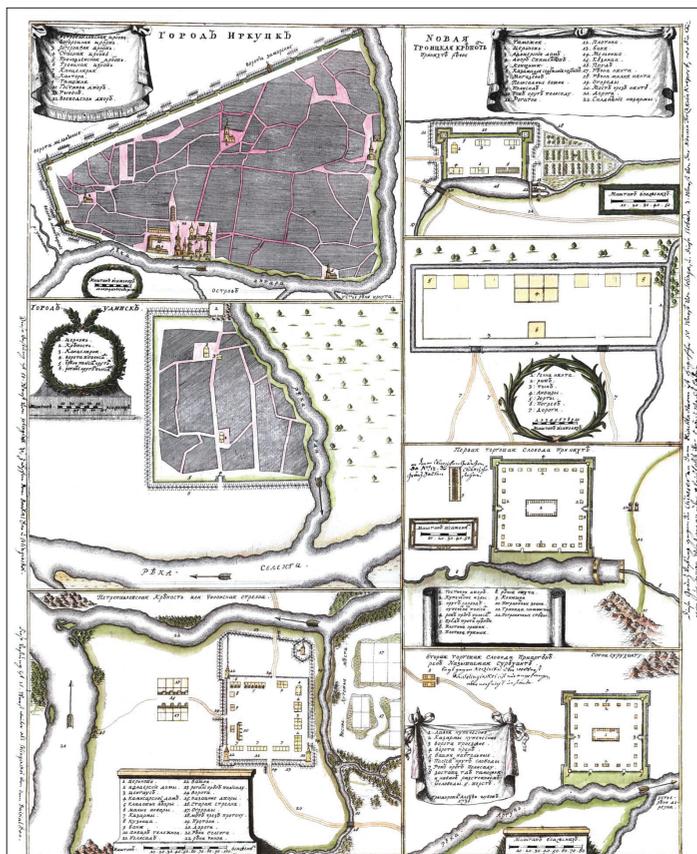
геодезистов. Разумеется, с первого взгляда бросаются в глаза несовершенства работы, ее ученическая наивность, «нетвердость» руки. Тем не менее, разглядев чертеж в подробностях, мы начинаем понимать, что все не так просто. Например — пустое пятно на месте низины с солончаковым болотом. Отсутствие здесь обозначений заставило Б.В. Александрова утверждать, что на плане показана лишь часть посада, то есть он фактически не завершен.

Однако, вникнув в «кухню» русских съемок и картосоставления первой четверти XVIII в., мы поймем, что к моменту появления нашего плана еще не сформировались новые требования к составлению чертежей, не было принято обозначений для подобного рода «географических объектов». Только в инструкции 1723 г., называвшейся «Реэстр, что при сочинении ландкарт в пополнку (в дополнение. — Е.Г.) описывать и примечать надлежит, чего в присланных ландкартах не находитца», предписывалось обозначать «знатные горы, леса, степи, болота». Значит, до того показывать болота не требовалось. Лишь когда первые поступившие с мест ландкарты разочаровали И.К. Кирилова «неполнотой необходимых данных»²⁴², «бедностью содержания»²⁴³, появилось предписание расширить номенклатуру отражаемых объектов²⁴⁴. Однако план Астрахани к тому времени был уже закончен, новая «номенклатура» в него не попала: болота и солончаки не были отмечены. Зато наш чертеж остался редчайшим документом, иллюстрирующим ранний этап работы петровских геодезистов, своего рода «исторической и топографической драгоценностью».

Рассматривая этот чертеж, мы видим немало важного, любопытного и нового для нас по части планировки и застройки Астрахани Петровского времени. Конечно, в действительности существовало куда больше городских реалий, которые можно было в нем отразить. Лично мне хотелось бы большей точности и конкретности в изображении городской планировки, более внятных обозначений, например Аптекарского огорода и Птичьего двора. Хотелось бы разъяснения в экспликации либо на самом чертеже назначения небольшого пятнышка застройки, показанного среди зелени на правом берегу Кутума, за излучиной, «против Ямгурчеева городка», где, как следует из первоисточников, в одном из лучших садов Скакольного бугра, на месте усадьбы погибшего в Хиве князя Заманова²⁴⁵, был построен астраханский летний дворец Петра I²⁴⁶. Относится ли это обозначение на плане к опустевшей усадьбе или уже к царскому дворцу? И является ли нанесенное поблизости более протяженное пятно застройки обозначением той самой слободки, куда «перевбиралось на лето астраханское купечество», в том числе известный Панкратий Курочкин, по-соседски навестивший Петра в его загородном дворце, а затем принимавший государя у себя «в землянке», то есть в саманном, из необожженного кирпича, летнем домике?²⁴⁷ У кого-то, быть может, возникнут другие вопросы к чертежу по части содержания.

Однако, если сравнить этот план Астрахани с упомянутыми планами Иркутска и Удинска из Атласа Кирилова, мы убедимся, что последние еще более наивны, архаичны и схематичны и куда менее информативны, чем наш чертеж. То же можно сказать о плане города Кашина геодезистов Сметьева и Жихманова из собрания ОР БАН. Сегодня недостатки рассматриваемого чертежа очевидны, однако судить о нем следует по критериям того времени. Есть свидетельство того, что И.К. Кирилов, отвергавший неисправные чертежи и добивавшийся необходимого качества, этим планом Астрахани был доволен. Таким свидетельством представляется чертеж, хранящийся в РГВИА, — план Астрахани с датой «1726 г.» и подписью кондуктора Ивана Дурова²⁴⁸ (Ил. 15).

План этот полностью воспроизводит чертеж из ОР БАН. Добавлен такой хотя и важный, но все-таки служебный элемент, как компасная картушка. Главным же образом модернизированы «декорации» астраханского плана: наивный рисунок обрамления экспликации заменен вычурным картушем в стиле северонемецкого барокко, русло Волги у стен города

Ил. 14. Планы сибирских городов и крепостей. Раскрашенная гравюра ([Кирилов И.К.] Атлас Всероссийской империи. СПб., 1734. С. 13)

«оживлено» изображением трехмачтового корабля, а свободные участки листа заполнены рядами условных «холмиков», ничего общего с реальным рельефом не имеющих, но «обогашающих» композицию. Очевидно, исполнитель чертежа 1726 г. в Астрахани не бывал, а лишь совершенствовал его оформление.

Можно с уверенностью утверждать, что кондуктор Иван Дуров делал копию плана Астрахани для военно-инженерного ведомства — «Главной канцелярии артиллерии и фортификации». Это подтверждается и тем, что подписанный им чертеж сохранился в военном архиве²⁴⁹, и званием Дурова — кондукторами называли чертежников именно в военно-инженерном ведомстве²⁵⁰. Во-вторых, представляется, что Дуров делал копию с копии, то есть скопированный им чертеж уже являлся переработкой наивного рисунка наших геодезистов. Известно, что в Сенате у Кирилова служили специалисты для «камеральных» работ — «срисования» присланных ландкарт «в одну меру», то есть в один масштаб²⁵¹. Помимо прочего, сенатские специалисты готовили чертежи к гравированию для публикации в задуманном Кириловым «Атласе Всероссийском»: «Также планы всех городов срисовать в одну препорцию, дабы одна книга была ландкарт, а другая — планы городов...»²⁵². Ведь Кирилов предполагал издать свой Атлас в трех томах по 120 листов в

Ил. 15. План Астрахани с подписью кондуктора Ивана Дурова. 1726 г. Бумага, тушь, акварель (РГВИА. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2397. Воспроизведен по: Воробьев А.В. К 400-летию Астрахани // Архитектура СССР. 1956. № 8. С. 41)

каждом. Установлено, что за период с 1726 по 1737 г. успели подготовить к изданию 37 чертежей, из которых на сегодня обнаружено 28²⁵³. По-видимому, план Астрахани также должен был войти в этот проект, оставшийся из-за смерти И.К. Кирилова незавершенным. Копия Ивана Дурова, повторившая сенатский чертеж, сделавший неуверенный опус наших геодезистов более представительным, может свидетельствовать о том, что их план был сочтен достойным включения в кириловский Атлас.

Таким образом, чертеж из РГВИА является исполненной Иваном Дуровым копией, причем снятой, похоже, не с исходного, доставленного из Астрахани плана, а с сенатской его копии. Составляли же хранящийся в ОР БАН первоначальный чертеж геодезисты, направленные в Астрахань летом–осенью 1720 г. Игнатий Чичерин, Аверкий Толубеев, Андрей Сипягин, Григорий Макаров.

Не случаен и 1726 г., которым датирован подписанный Дуровым чертеж, именно в том году названная четверка геодезистов представила чертежи Астраханской губернии в Сенат. Помимо плана Астрахани, «столицы» губернии, они выполнили чертежи других городов и территорий, входивших в состав обширнейшего края. По разным источникам выявляются сделанные тогда же карты «Астраханской губернии провинций»: «Синбирской и Саратовской», «Астраханской с городами»²⁵⁴, карты «уездов Петровского и Самарского Астраханской провинции»²⁵⁵, «Карта, на которой положены степные места от Царицынской линии между рек Волги и Дона»²⁵⁶. Особого внимания в приведенном перечне заслуживает пункт «Астраханская [провинция] с городами». В документе 1737 г., известном как

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

«Каталог Делиля», этот пункт подробно расписан и содержит названия более двадцати городов, которые были «сняты» (levee), то есть картографированы; среди них Астрахань, Сызрань, Петровск, Черный Яр, Красный Яр, Царицын, Дмитриевск, Саратов, Самара, «Терек», «Гурьев Яицкой», Симбирск, Алексеевск и другие²⁵⁷. Подчеркнем, что эти названия в указанном каталоге 1737 г. снабжены номерами, заимствованными из списка чертежей, переданных в Академию наук из Сената в декабре 1726 г.²⁵⁸, то есть перечисленные чертежи составлены не позднее 1726 г., а значит, нашими геодезистами. Именно большой объем картографических работ заставил их «обретаться» в Астраханской губернии более пяти лет.

Резюмируем доводы, подтверждающие авторство названной четверки геодезистов в отношении рассматриваемого рукописного плана Астрахани.

Во-первых, это полное совпадение времени работы указанных геодезистов в Астрахани с периодом существования отраженных на чертеже городских реалий (при этом установленное время их присылки в Астрахань подтверждает нижнюю границу датировки рассматриваемого чертежа — 1720 год).

Во-вторых, острый дефицит специалистов-картографов, зафиксированный документами, в том числе фразой из донесения Г.Г. Скорнякова-Писарева на требование Сената о рассылке их по стране: «а только оных и нет во Академии налицо», а также тот факт, что в Астрахань был послан лишь один «дипломированный» геодезист, а остальные — недоучившиеся («геодезии ученики»); значит, других профессиональных исполнителей для такого плана в те годы попросту не было.

В-третьих, наличие на чертеже и планового и «фронтальных» изображений, неполнота «номенклатуры географических объектов», отсутствие унификации условных знаков, произвольное использование цвета — «пестрота и кустарность», с которыми боролся И.К. Кирилов, начиная с инструкции 1723 г.

Подтверждением может служить и использование в обозначении масштаба рейнландских футов, характерное для учеников Навигацкой школы и Морской академии, какими были участники группы, направленной в Астрахань, а не питомцев, скажем, Инженерной школы.

Наконец, наивность графики рассматриваемого чертежа, неотработанность профессионального почерка прямо соотносятся с тем фактом, что съемки в Астрахани были первой самостоятельной работой названных геодезистов.

Секретная миссия астронома Делиля

Несмотря на отмеченные несовершенства, составленный петровскими геодезистами план Астрахани был сочтен достойным, как мы убедились, включения в фундаментальный французский атлас.

Как же попал русский чертеж к составителю этого атласа? Ответ дает рассмотрение деятельности Ж.-Н. Делиля, французского астронома, поступившего на службу в Императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге по приглашению Петра I и более 20 лет работавшего в России. Известно, что за эти годы Делиль тайно переправил во Францию сотни русских чертежей (как копий, так и подлинников) и других географических документов (описания и

I. ARTICLES

журналы геодезистов, инструкции И.К. Кирилова, «наказы» геодезистам В.Н. Тагищева, стейные списки русских послов)²⁵⁹. Теперь эти материалы — «гигантский корпус уникальных источников по истории России» — хранятся в нескольких французских собраниях²⁶⁰.

Об этой стороне жизни Делиля стало известно из его биографии, составленной в 10-ые годы XX в. главным библиотекарем Национальной библиотеки Франции по хранящимся в ней документам самого Делиля²⁶¹ и из опубликованной тогда же переписки с морским министром Морепа²⁶², поручившим ученому перед отъездом в Россию вышеозначенную «службу на пользу Франции»²⁶³. О том, что «деятельность Делиля в России не ограничивалась одной только наукой», писали советские ученые в середине прошлого века²⁶⁴, а в 60–80-е XX и начале XXI в. отечественные специалисты, знакомившиеся с материалами Делиля во французских собраниях, призывали к их «научной публикации на русском и французском языках в рамках двустороннего исследовательского проекта ученых России и Франции»²⁶⁵.

Однако есть в нашей историографии и другая, апологетическая точка зрения на фигуру Делиля, игнорирующая и даже отрицающая указанную сторону его деятельности²⁶⁶. Отсюда вытекает необходимость уточнения роли и места Ж.-Н. Делиля в российской науке, основанного на тщательном и непредвзятом анализе источников. Главное, нужна организация масштабного двухстороннего проекта по изучению хранящихся во Франции русских коллекций Делиля и их научной публикации²⁶⁷.

Здесь же отметим признаки причастности Ж.-Н. Делиля к попаданию созданного петровскими геодезистами плана Астрахани во Францию.

Во-первых, это пункт 57 приложенного к известному письму кабинет-секретаря А.В.Макарова президенту Академии наук Л.Л. Блуменросту «резэтра» чертежей, переданных 30 декабря 1726 г. Делилю. Под этим пунктом значатся «ландкарты» Астраханской провинции «с городами»²⁶⁸, а в документе, известном как «Каталог Делиля», тот же пункт расписан и включает названия более двадцати «астраханских» городов, которые были к 1726 году «сняты» (levee), то есть картографированы, и первой среди них отмечена Астрахань²⁶⁹.

Во-вторых, это 1754 г., которым датирует план Астрахани в своей книге Бродель. Мы убедились, что указанный год не мог быть временем составления чертежа, однако эта дата не случайна. Известно, что именно в 1754 г. собрание Делиля было куплено по указанию Людовика XV и «поделено между Депо Морского ведомства и Королевской библиотекой»²⁷⁰. Очевидно, год появления манускриптов Делиля в библиотеке Бродель принял за время составления плана (предоставив нам таким образом свидетельство причастности Делиля к его появлению во Франции)²⁷¹.

Третье свидетельство — инвентарная помета на рассматриваемом чертеже. Речь о числе «94», стоящем рядом с картушем экспликации (*Ил. 12*). Судя по почерку, это один из ранних каталожных номеров на чертеже (другие пометы, особенно «№ 3198» — очевидно более поздние). Помета «94» корреспондируется с упоминанием чертежа № 94 в письме Делиля И.К. Кирилову от 29 сентября 1730 г., в котором французский ученый оправдывается перед сенатским обер-секретарем в задержке исполнения Генеральной карты России, порученной ему, затребовавшему по прибытии в 1726 г. все «ландкарты», имевшиеся в различных ведомствах²⁷². Перечисляя чертежи, попавшие в его руки, Делиль заключает письмо перечнем «Нумеры картам, кои имеются у меня из Правительствующего Сената», в котором встречаем и «номер» 94. Его совпадение с пометой на нашем чертеже, представленном прибывшими из Астрахани геодезистами именно в Сенат, свидетельствует о том, что с их планом работал Делиль²⁷³. Работа же его, как подозревали современники-коллеги

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

по Академии наук²⁷⁴ и подтвердили опубликованные в начале XX в. бумаги самого Делиля, заключалась в копировании чертежей для переправки во Францию: «С первых лет своего пребывания в России Делиль занимался доставкой во Францию скопированных и отредактированных им карт», — сообщает его французский биограф²⁷⁵.

Протоколы Географического бюро дают немало сведений о копировании «ланд-карт» академическим персоналом по поручению Делиля: «...Г-н Кенигсфельд... принес обратно план Москвы, который он закончил у себя дома с разрешения г-на Делиля»²⁷⁶; «...Г-н Кенигсфельд начал копировать план Ямбурга...»²⁷⁷; «Григорьев начал дома у г-на Делиля снимать копию с карт Грузии... переданных грузинским князем»²⁷⁸; «...Г-н Делиль взял на время к себе домой карту № 112 из карт г-на Брюса»²⁷⁹; «...Геодезист Арсеньев закончил копировать карту Казани...»²⁸⁰; «Корчевников, закончив план течения Волги, начал снимать копию детальной карты рек Гиляна...»²⁸¹; «...Г-н Кенигсфельд передал г-ну Делилю следующие карты, которые он скопировал в разное время из тех, что были переданы ему из Адмиралтейства...»²⁸².

Чем руководствовался Делиль, отсылая во Францию в одном случае копию, в другом — подлинник, точно неизвестно, но естественно предположить, что это были качества оригинала: информационные, графические, «представительские». Подлинник рассматриваемого плана Астрахани, наивный и непритязательный, остался, как мы видим, «дома», а во Францию отправилась его копия. В качестве противоположного примера назовем хранящийся в Национальной библиотеке в Париже комплект из 12 рукописных китайских карт. Установлено, что эти карты отдельных участков русско-китайской границы, с надписями на манчжурском и русском языках, с печатями в виде российского герба, были результатом трудных, более чем двухлетних переговоров посольства Саввы Владиславича-Рагузинского и приложением к Кяхтинскому трактату от 21 октября 1727 г. о разграничении земель и расширении русско-китайской торговли. При этом «ни одной из этих карт в российских архивах не сохранилось»²⁸³.

Окончательным подтверждением факта копирования рассматриваемого «астраханского» чертежа по указанию Делиля для отправки во Францию может оказаться план Астрахани, хранящийся в собрании Центрального архива Военно-морского флота в Венсенне, в коллекции Гидрографической службы ВМФ Франции, представляющей 71 том карт, из которых три тома (Recueils 53–55) содержат материалы о России²⁸⁴. В томе 53 под номером «98 В» значится рукописный цветной план Астрахани, а под номером «98 А» — перечень обозначений на плане, включающий 43 наименования²⁸⁵. Если это делилевская копия нашего рукописного чертежа, то указанные 43 пункта экспликации против 25 пунктов, имеющих на подлиннике, могут означать, что Делиль работал также и с текстами указанной четверки геодезистов — журналами и описаниями, откуда взял дополнительные сведения (о наличии в хранящихся во Франции коллекциях Делиля подобных материалов петровских геодезистов свидетельствуют исследователи)²⁸⁶. Хотя может статься, что названный план из Архива Военно-морского флота в Венсенне не является копией нашего чертежа (во всяком случае, принадлежность его к материалам Делиля в каталоге Архива не обозначена)²⁸⁷, а представляет собой документ другого периода²⁸⁸.

Обратим внимание и на пункт «План и вид города Астрахань» (Plan et vie de la ville d'Astrakan) в описании коллекций Делиля, опубликованном в 1915 г. вместе с его биографией²⁸⁹. Этот пункт вызывает вопросы. Рассматриваемый ли это план 1721 г.? Что за вид Астрахани, быть может, он «снят» нашими геодезистами? Или это известная панорама Корнелиса де Бруина, созданная в начале XVIII в. и широко разошедшаяся в виде гравюры? Может быть, это награвированная в Петербургской Академии наук по рисунку Михаила

I. ARTICLES

Некрасова, академического рисовальщика, присланного в 1742 г. по запросу В.Н. Татищева, тогда астраханского губернатора²⁹⁰ Ответа пока нет. Возможно, названные план и вид Астрахани являются не «единицей хранения» в коллекции «бумаг Делиля», а одним из пунктов многочисленных списков, перечней, каталогов, которые французский ученый составлял и копировал в России, переправляя во Францию наряду с чертежами.

Здесь стоит вспомнить, что получившее материалы Делиля Депо карт и планов морского флота — это ведомство, которое возглавлял составитель Малого морского атласа Ж.-Н. Беллин. Там же стал служить после возвращения Делиль: сделка 21 января 1754 г. по передаче русских манускриптов дала ему престижное место «астронома-географа военно-морского флота в Депо планов с содержанием в 3000 ливров в год и пожизненную ренту в 2000 ливров»²⁹¹.

Зачем Вольтер «собирался» в Астрахань

Возникает естественный вопрос: почему в Малый морской атлас Беллина попал план Астрахани, города глубоко континентального, далекого от океанских побережий и, казалось бы, от интересов французского Морского ведомства? Ответ, очевидно, следует искать в геополитической истории.

Возвращаясь к результатам Семилетней войны, напомним, что, лишившись в тяжелой борьбе с Англией большей части своих колоний, Франция не собиралась расставаться с ролью мировой державы. Так, потеряв Квебек в 1759 г., на следующий год французы провели ожесточенную военную кампанию, едва не отвоевав город у англичан. Утратив по Парижскому миру 1763 г. Канаду, острова Карибского бассейна, расставшись с надеждами на колонии в Индии, французское правительство активизировало поиски земель взамен утерянных (подчеркнем, что «делами колоний» занималось во Франции то самое министерство, которое издавало Малый морской атлас и по заданию которого Делиль собирал в России географические материалы). Именно на поиски новых земель были направлены знаменитые морские экспедиции Л. Бугенвиля, Ж. Лаперуза, И. Кергелена, Н. Бодена, Ф. Перрона. Французские исследования проходили «наперегонки» с кругосветными плаваниями англичан Д. Кука, Ч. Кларка, Д. Ванкувера и других. Одним из главных призов в этой гонке был Китай. Неслучайно Лаперуз столь тщательно исследовал берега Восточно-Китайского и Японского морей, провел шесть месяцев у дальневосточного побережья России, отправив из Петропавловской гавани на Камчатке через всю Российскую империю Ж.-Б. Лессепса, якобы офицера с депешами, на самом же деле — посланца, доставившего в Версаль засекреченные карты и другие материалы экспедиции²⁹².

Торговля с Китаем, его шелк, фарфор и прочие изделия, были, как известно, *idée fixe* французского капитала с эпохи Великих географических открытий, которая и началась с поиска торговых путей в Индию и Китай. Вспомним о финансировавшихся Франциском I плаваниях «веселого корсара» Жака Картье, открывшего на пути в Китай Канаду, о снаряженных Генрихом IV экспедициях Самуэля де Шамплейна, продвигавшегося через Канаду к «Китайскому морю». Далеко идущие цели преследовал в Китае Людовик XIV, подчинивший своим интересам исследователей-иезуитов, выделявший их китайской миссии финансовые средства и новейшие инструменты, а также «хлопотавший» перед «правительницей Софьей» о пропуске французских иезуитов в Китай через Московию²⁹³. В XVII в. европейцы осознали, что «Московское государство и его азиатские владения представляют собой вполне вероятный и безопасный сухопутный "мост"» к Китаю, к странам Юго-Восточной Азии, «берегов которых с такими трудностями и потерями достигали их суда во время переходов, продолжавшихся многие месяцы, а иногда и годы»²⁹⁴.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Попытки наладить торговый путь в Китай через Россию продолжались и в XVIII в.²⁹⁵. Малоизвестный, но любопытнейший факт открывается из переписки Вольтера с Екатериной II.

Известно, что «фернейский патриарх», «умов и моды вождь», «султан французского Парнаса» был еще и коммерсантом, дельцом, спекулянтом с незаурядным нюхом на прибыль²⁹⁶. В его письмах к Екатерине сначала словно бы в шутку звучит упоминание Астрахани, где хорошо бы «основать свое жилище, дабы наслаждаться удовольствием, живши под Вашими законами...»²⁹⁷. Затем появляется тема переселения «моих фернейских колонистов», как пишет Вольтер, то есть его часовщиков из Ферне, которых он «непрерывно препроводил бы в окрестности астраханския»²⁹⁸. «Очень любопытно увидеть работу часовщиков ваших; есть ли бы вы основали поселение в окрестности Астрахани, то я сыскала бы предлог туда ехать, дабы вас увидеть», — отвечала в тон Екатерина²⁹⁹. Но далее уже без шуток обсуждаются вопросы поставки русской императрице и ее двору продукции «фернейской мануфактуры». Вольтер, как заправский торговец, рекламирует свой товар, обосновывает цены: «Поселенцы мои... надеются чрез неделю отправить к Вам 3 или 4 ящика часов ценою от осьми до осьмидесяти луйдоров. Между оными есть осыпанные бриллиантами с Вашими портретами, лучшими живописцами писанные... Ценою же оные третью долею дешевле против английских, а в доброте оным ни сколько не уступают...»³⁰⁰. Главное же, что искусно продвигается мысль об организации торговли часами через Россию с Китаем. «Сейчас, быть может, не время говорить о торговле стенными и карманными часами с Китаем, но Ваш всеобъемлющий ум делает все сразу. В этом, по моему, и заключается истинное величие и истинное могущество...»³⁰¹. «Женевцы уже завели небольшую торговлю часами в Кантоне; Ваше Величество могли бы открыть такую же... С доверенным человеком можно было бы посылать из Петербурга в Ферней заказы, с которыми здесь сообразовались бы...»³⁰². «Моя колония поставляла бы серебряные часы по цене в 12–13 рублей, золотые — не дороже 30–40 рублей и обязалась бы поставлять на 200 тысяч рублей в год, если понадобится...»³⁰³.

Напомню, что Китай не интересовали европейские товары: продукция китайских ремесленников была на порядок выше по качеству, чем то, что предлагала тогда Европа. Столкнувшись с европейцами³⁰⁴, китайцы закрыли свой рынок для западных коммерсантов³⁰⁵, и он был «вскрыт» лишь в 40–50-е годы XIX в., с помощью двух «опиумных войн», развязанных Англией и Францией³⁰⁶. В XVIII же столетии китайцев удалось заинтересовать лишь одним товаром: английский мастер Джеймс Кокс сумел наладить продажу китайскому двору своих хитроумных часов, оснащенных движущимися фигурками и музыкальными механизмами³⁰⁷. Начинание Д. Кокса успешно подхватил «гений механики» из Швейцарии Пьер Жак-Дро³⁰⁸. Эти примеры не могли не вдохновить Вольтера, пытавшегося, используя отношения с русской императрицей, направить продукцию своих часовщиков ее «соседу», «китайскому государю».

И Вольтер был не одинок в этих затеях. Екатерине II так досаждали подобные проекты, что она звала их «бешеными». Среди них были шевадье Бернарден де Сен-Пьер, предлагавший основать на берегах Аральского моря республику европейских авантюристов, чтобы «цивилизовать дикий край и юные народы, уравновешивать русский деспотизм и разнузданную татарскую вольницу», а главное, поставить под контроль торговлю Европы с Индией³⁰⁹; также граф Сигизмунд фон Регерн, предлагавший императрице создать гигантскую внешнеторговую компанию для завоевания Индии³¹⁰. Был еще план Дидро о водворении швейцарцев в России, в связи с чем «поговаривали об огромной эмиграции швейцарцев, которые покинут свои горы, чтобы поселиться на берегу Каспийского моря»,

I. ARTICLES

как писал маркиз де Боссе в 1765 г.³¹¹. На этой почве в Европе появились особого рода проходимцы: некий барон Штейн присвоил себе титул «главного балы Астраханского царства», куда вербовал колонистов; парижанин Прекур де Сен-Лоран, «погибший» при конвоировании в замок Иф, «воскрес», представляясь «директором Екатеринбургской колонии иностранцев в Астраханском царстве»³¹².

Астрахань в представлении европейцев была ключевым пунктом «удобного, безопасного и кратчайшего пути» через Россию в Персию, в Китай, в Индию со времен Ричарда Ченслора, попавшего в Московию в XVI в. и положившего начало английской Московской компании, и ее агента Энтони Дженкинсона, добравшегося до Астрахани, а оттуда в Персию и Среднюю Азию для разведки возможностей торговли с Китаем³¹³. В XVII в. Ришелье «хотел наладить торговлю из Персии через Россию (по Волге и Москве-реке), затем по Балтике во Францию», отправив в Московию посольство во главе с де Курмененом³¹⁴. Совсем не случайно оказался в Астрахани Адам Олеарий, затем — французский иезуит Филипп Авриль³¹⁵, а в начале XVIII в. — голландец Корнелис де Бруин. В 20-е годы XVIII в. о торговле персидским шелком через Астрахань сообщал в Париж французский посланник Ж.-Ж. Кампредон³¹⁶. И наш знакомец Делиль по прибытии в Россию, еще не осознав ее масштабов и желая получить географические координаты всех основных городов, поручил своему брату Людовику де ла Кройеру посетить для этого не только Архангельск, что хорошо известно, но и Астрахань, что забыто, но зафиксировано документами (в ноябре 1727 г. Академия наук запрашивала Я.В. Брюса, могут ли академические астрономы использовать его инструменты в Астрахани, куда должен ехать Ла Кройер из Архангельска; в мае 1728 г. президент Академии наук просил Сенат послать Ла Кройера, находящегося на Кольском полуострове, в Казань и Астрахань)³¹⁷.

Хорошо понимали роль Астрахани на путях торговли с Востоком и сами русские — и во времена Ивана Грозного, и в период создания «Чертежа водяному пути от Астрахани до гор Китайского государства»³¹⁸, и в Петровскую эпоху, когда астраханским губернатором был назначен А.П. Волынский и затеян Персидский поход. («Дела Китая, Индии, Хивы, Персии занимали Петра всю его жизнь. Можно сказать даже, что он скончался занятый мыслью о восточных делах»)³¹⁹. Будучи прилежным учеником европейских политиков, Петр I планировал, в частности, сделать захваченные персидские провинции на Каспии областью русского шелководства и «переключить всю шелковую торговлю Ирана с Западной Европой на Волго-Каспийский путь, перехватив огромные доходы от шелкового транзита и шелковой торговли у Османской империи, английских, французских и левантийских торговцев»³²⁰. Астрахань же, по мысли Петра, должна была стать главной базой этой торговли и плацдармом экономической экспансии в Персию и далее в Азию. Неслучайно один из историков русской картографии назвал этот город «вторым городом России по числу картографических памятников той эпохи»: из сотни сохранившихся планов русских городов первой половины XVIII в. пять, по его подсчетам, являются планами Астрахани; большее число — семь планов есть только у Петербурга; «почти все остальные города имеют лишь по одному плану»³²¹. Причем надо иметь в виду, что рассматриваемый план Астрахани из ОР БАН цитируемым автором не учтен, как и рисованный чертеж начала XVIII в. («план воеводы Тимофея Ржевского»)³²².

Более того, вводимый в научный оборот чертеж Астрахани из собрания ОР БАН, однозначно датируемый отраженными в нем реалиями временем около 1721 г., является самым ранним из известных на сегодня геодезических планов городов, выполненных русскими специалистами (упоминавшиеся чертежи Иркутска и других сибирских крепостей из Атласа Кирилова относятся к 1730 г.)³²³. Этот документ является «вещественным

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

доказательством» того, что в Петровское время инструментальные планы городов отечественными мастерами создавались³²⁴ и их появление следует отнести как минимум на 10 лет раньше принятого в литературе срока.

И именно ранний, «петровский» план попал в пятитомный Малый морской атлас Беллина 1764 г., содержащий сотни планов портов разных стран и континентов. Любопытно, что из всех городов Российской империи, помимо Петербурга, в этот Атлас включен только план Астрахани, очевидно, в силу вышеуказанных геополитических причин.

Правда, получив элегантные французские «одежды», план Астрахани несколько проиграл в достоверности. Нордовая стрелка компасной розы, всегда указывающая, как известно, на север, на французской гравюре обращена к югу, а значит, положение города искажено на 180 градусов.

Попытаемся проследить, как это могло случиться. На рукописном чертеже-первоисточнике компасная роза, предназначенная ориентировать изображение по сторонам света, вовсе отсутствует. Она есть на плане кондуктора Ивана Дурова, копировавшего, как аргументировалось выше, чертеж-«модернизацию» первоначального, привезенного из Астрахани, плана, выполненную специалистом Сената, готовившим чертеж к публикации в задуманном И.К. Кириловым грандиозном атласе. Здесь нордовая стрелка указывает, как и положено, на север, а у южного румба стоит буква S, означающая зюйд, то есть юг. Далекий от астраханских географических реалий французский гравер, вырезавший план для публикации в Малом морском атласе, вместо буквы S показал у южного румба нордовую стрелку в традиционной форме «флер-де-лис», геральдической лилии³²⁵, то есть вместо юга указал север³²⁶. Возможно, эта стрелка уже стояла здесь в той рукописной копии нашего чертежа, с которой он резал гравюру, а значит, ошибка была допущена на предыдущей стадии, когда сенатский чертеж копировали по указанию Делиля для тайной переправки во Францию. Окончательное выяснение этого вопроса остается за теми, кто будет работать с материалами Делиля во французских собраниях.

Любопытное наблюдение дает сравнение экспликаций русского чертежа и французской гравюры. Текстовые наименования объектов, обозначенных на плане цифрами или буквами, не только по-разному расположены на листе (вертикальный картуш у правого обреза чертежа и горизонтальный пояс с тремя столбцами надписей в верхней части гравюры), не только содержат разное количество пунктов (28 на чертеже и 21 на гравюре). Главное, что поражает при вдумчивом сравнении, — тот факт, что если экспликация рукописного чертежа начинается пунктами «Земляной город», «Белый город», «Кремль город», основополагающее значение которых подчеркивается и тем, что они обозначаются литерами «А», «В», «С» (далее идет цифровая нумерация), то на гравюре литеры «А», «В», «С», с которых начинается экспликация, помечают вовсе не главные объекты города, но нанесены далеко за его пределами, на стрелку реки Болды, где обозначают: А — крепость, В — вагагу, С — лютеранскую церковь. Удивительное и симптоматичное смещение акцентов! Начальным, отправным, словно бы главным пунктом в городе у впадения Волги в Каспий читаются по экспликации французской гравюры не основные, структурообразующие

I. ARTICLES

элементы русского поселения (их вовсе нет в этой экспликации), а то место, где размещалась немецкая слобода и «государева пристань», куда в свое время «ежедневно подъезжали поступившие на службу Его Величества» иностранцы. Похоже, что тот, кто составлял французскую экспликацию, не только знал эту ситуацию в Астрахани, но и тонко обозначил приоритеты, а возможно, и некие перспективы (невольно вспоминается упомянутый план Мадраса из того же Малого морского атласа с его укрепленным «городом белых», отстоящим от поселения аборигенов).

«Петров чертеж Астрахани»

В качестве послесловия обратимся к плану, называемому в отечественном источниковедении «Петров чертеж Москвы». Он был, как мы знаем, выявлен в бумагах Петра I при реорганизации в 1837 г. мемориального музея, известного как Кабинет Петра Великого, и назван «Петровым» по принадлежности к указанному собранию³²⁷. Позже этот «любопытный план Москвы, напечатанный в Амстердаме, с объяснениями на латинском языке»³²⁸, отождествили с планом, помещенным во втором томе знаменитого 12-томного атласа *Geographiae Blavianaе volumen secundum quo lib* («География Блавиана» — собрание карт, изданных И. Блау в 1662 г.)³²⁹, а затем с врезкой на известной карте Г. Герритса 1613 г., называемой также картой царевича Федора Годунова³³⁰. Относительно истории этого плана по сей день существуют разногласия, и даже само название «Петров чертеж» одни называют ненаучным, странным, другие предлагают называть чертеж «Годуновским» по времени составления. Тем не менее определение «Петров» за планом закрепилось. При этом все исследователи сходятся на том, что эта европейская гравюра (вернее гравюры, так как речь идет о двух взаимосвязанных планах — «Царствующий град Москва...» и «Кремлена град») была сделана по русскому «протооригиналу»³³¹, который, исходя из анализа запечатленных в нем городских реалий, относят к концу XVI в., «то есть подлинному чертежу, неизвестными путями попавшему за границу»³³².

Возвращаясь к плану Астрахани, обратим внимание на аналогию вышеизложенной коллизии «чертеж петровских геодезистов — гравюра во французском морском атласе» с приведенной историей «Петрова чертежа Москвы». В обоих случаях мы имеем дело с европейской гравюрой, сделанной на основе русского первоисточника. И там и здесь подтверждением служат точная детализация застройки, доступная именно русскому картографу, ориентация на юг, характерная для русских чертежей допетровского и отчасти Петровского времени, а также сохраненные на европейских гравюрах русские надписи. Так, на плане Москвы из атласа Блау повторен «великолепной русской вязью» заголовок: «Црствающей град Москва начальной город всех Московских гдрствах...»; на гравюре с планом Астрахани из Малого морского атласа подобным образом можно рассматривать встречающиеся среди французских надписей русские названия, которые составителям атласа перевести не удалось: «Vataha» (ватага), «Pocoff...» (Покровский [монастырь]).

Главным же является тот факт, что толчком к определению и там и здесь послужил документ, связанный с деятельностью Петра I. В одном случае это экземпляр гравюры из собрания бумаг Петра, а в другом — рукописный чертеж, созданный в Петровское время в ходе работ, задуманных Петром и осуществлявшихся по его указу. Последнее, на наш взгляд, позволяет с не меньшим, а быть может, и большим правом называть идентифицированные, датированные и атрибутированные здесь и русский чертеж, и французскую гравюру по аналогии с планом Москвы из атласа Блау «Петровым чертежом Астрахани».

- ¹ ОР БАН. Основное собрание рукописных карт. № 720.
- ² *Фель С.Е.* Картография России XVIII в. М., 1960. С. 17.
- ³ Петербурга – Н. де Фером, Г.П. Бушем, К.Ф. Койетом, И.Б. Хоманом и др., Киева – Л.-Н. де Аллартом, Москвы – У. фон Шперейтером.
- ⁴ *Клименко С.В.* План Москвы 1739 года : от чертежа для академического Атласа до документа градостроительного регулирования // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. М., 2007. Вып. I. С. 137.
- Тот же тезис подтвердила в личной беседе Т.А. Базарова, автор монографии «Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование» (СПб., 2003).
- ⁵ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3 : Время мира / пер. с фр. М., 1992. С. 476.
- В отличие от первого издания (М. : Прогресс, 1988–1992) второе русское издание (М. : Весь мир, 2006) вышло без иллюстраций.
- ⁶ [*Bellin J.N.*] Le petit atlas maritime : Recueil de cartes et plans des quatre parties du monde en cinq volumes. Paris, 1764. (Малый морской атлас : Собрание карт и планов четырех частей света в пяти частях). Отметим, что среди картографических изданий Морского министерства того периода был и просто «Морской атлас», но он вышел в 1751 г.
- ⁷ См.: Historical Map Collection // Louisiana State Museum [сайт]. URL: <http://lsm.crt.state.la.us/mapbios.htm> (дата обращения: 09.05.2011).
- ⁸ *Garant J.-M.* Jacques-Nicolas Bellin (1703–1772), cartographe, hydrographe, ingénieur du ministère de la Marine : sa vie, son œuvre, sa valeur historique. Université de Montréal, Département d'histoire, 1973 (*Гаран Ж.-М.* Жак-Николя Беллин (1703–1772), картограф, геодезист, инженер Министерства военно-морского флота : его жизнь, работа, историческое значение. Монреаль, 1973). Автору настоящей статьи эта книга оказалась недоступной, пришлось довольствоваться ее резюме, см.: Biographie de Jacques-Nicolas Bellin [фр. ист.-краевед. сайт] // «Les Chemins de Porquerolles» (Дороги Поркероля). URL: <http://mapage.noos.fr/porquerolles/bel.htm> (дата обращения: 20.01.2011).
- «Несмотря на значимость творчества Ж.-Н. Беллина, не существует подробных исследований его биографии, за исключением магистерской диссертации Гаранта 1973 г.», – констатирует один из европейских историков картографии (*Palomino J.-F.* Entre la recherche du vrai et l'amour de la patrie : cartographe de la Nouvelle-France au XVIII siècle // Revue : de Bibliothèque et Archives nationales du Québec. 2009. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.banq.qc.ca/documents> (дата обращения: 22.01.2011)).
- ⁹ «Jaques Nicolas Bellin. 1703–1772, French Cartographer et Pabliher» [картограф. сайт] / «Irish Maps and Prints». URL: http://www.oldirishmaps.com/cartographers/jacques_nicolas_bellin.php (дата обращения: 22.01.2011).
- ¹⁰ *Браун Л.А.* История географических карт / пер. с англ. М., 2006. С. 322.
- ¹¹ Там же. С. 330.
- ¹² Об издании см.: URL: <http://www.kb.nl/en/web-exhibitions/100-highlights-of-the-koninklijke-bibliotheek/from-1-to-100/60-neptune-francois> (дата обращения: 17.02.2011), а также фронтиспис атласа (Le Neptune françois, ou atlas nouveau des cartes marines. Levées et gravé par ordre exprés du roy. Pour l'usage de ses armées de mer. Amsterdam, 1693.) см.: URL: <http://www.swaen.com/antique-map-of.php?id=7152> (дата обращения: 09.05.2011).
- ¹³ Справедливости ради отметим, что создание самых разных, хотя иных по качеству атласов началось во Франции задолго до Ж.-Б. Кольбера. К этой давней традиции относятся мореходные атласы дьеппской школы середины XVI в. с их удивительными живописными миниатюрами; карманный атлас Николая Тассина 1633 г. с гравированными планами и видами морских портов; «Описание Вселенной» Алана Малле 1683 г. с картами звездного неба и разных частей Земли, видами портов, гаваней, кораблей; а также знаменитые атласы Николая Сансона, Николая де Фера, Гийома Делиля.
- ¹⁴ Подробно об этом см.: *Маклинн Ф.* 1759. Год завоевания Британией мирового господства / пер. с англ. М., 2009. С. 554–607.
- ¹⁵ См.: *Тарле Е.В.* Очерки колониальной политики европейских государств (конец XV – начало XIX в.). М. ; Л., 1965. С. 286–287; *Черкасов П.П.* Судьбы империи : очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983. С. 20–21.
- ¹⁶ [*Bellin J.N.*] Le petit atlas maritime. V. I. [Из предудеждомления] / пер. с фр. М.П. Дубянской.
- ¹⁷ См.: Costu du Senegal : Carte de l'Afrique / Antique Maps Africa. URL: <http://antiquemapsafrica.blogspot.com/2010/03/coste-du-senegal.html> (дата обращения: 17.12.2012).
- ¹⁸ Подробно см.: *Маклинн Ф.* 1759. С. 158–159.
- ¹⁹ Plan de Madras / Antique Maps Asia. URL: <http://antiquemapsasia-meyerprints.blogspot.com/2009/02/plan-de-madras.html> (дата обращения: 17.12.2012).
- ²⁰ Подробно см.: *Маклинн Ф.* 1759. С. 250–301.

I. ARTICLES

- ²¹ Plan de la Ville de Quebec / North America Antique Maps. URL: <http://meyerprints-northamericaantique-maps.blogspot.com/2009/03/plan-de-la-ville-de-quebec.html> (дата обращения: 17.12.2012).
- ²² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. М., 2003. С. 297.
- ²³ *Le Blanc Ch.* Manuel de l'Amateur d'Estampes. Paris, 1856. V. 2. P. 69 ; *Thieme U., Becker F.* Allgemeines Lexikon der bildenden Kunstler. Leipzig, 1913. V. 2. P. 147.
- ²⁴ Croisey, Jean-Baptiste (17(?)–18(?), graveur) [онлайн-библиотека] «Gallica». [Национальная библиотека Франции]. URL: <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=IFN-5963163&I=1&M=chemindefer> (дата обращения: 22.12.2012).
- ²⁵ См. «The maritime gallery»: URL: <http://www.themaritimemuseum.co.uk/memorabilia-postcards.php> (дата обращения: 12.02.2011).
- ²⁶ Так, один из Круазе делал гравированные иллюстрации к многоотомному «Курсу архитектуры» Ж.-Ф. Блонделя (*Blondel, J.-F.* Cours D'Architecture. Paris, 1771–1777).
- ²⁷ *Le Blanc Ch.* Manuel ... Paris, 1850. V. 1. P. 25–29.
- ²⁸ *Le Blanc Ch.* Manuel ... V. 1. P. 59.
- ²⁹ См.: URL: <http://www.artfact.com/auction-lot/bellin-jacques-nicolas-1-c-d7907139ae> (дата обращения: 17.09.2012).
- ³⁰ *Le Blanc Ch.* Manuel ... V. 1. P. 266.
- ³¹ [*Bellin J.N.*] Le Petit Atlas Maritim. V. I. [Из пред-уведомления].
- ³² Шпрингер Я. Французская цветная гравюра XVIII столетия. СПб. ; М., [1913?]. С. 1–2.
- ³³ [*Bellin J.N.*] Le Petit Atlas Maritime. V. I. [Из пред-уведомления].
- ³⁴ Энциклопедический словарь / сост. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1894. Т. «Жилы – Земпах». С. 35–36. См. также ил.: Анисе-Шарль-Габриэль Лемонье «Чтение трагедии Вольтера "Китайский сирота" в салоне г-жи Жоффрен» (1812). URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/cb/Salon_de_Madame_Geoffrin.jpg (дата обращения: 02.08.2012).
- ³⁵ *Garant J.-M.* Jacques-Nicolas Bellin ...
- ³⁶ К примеру см.: Invaluable [сайт]. URL: <http://www.bergbook.com> (дата обращения: 14.09.2013).
- ³⁷ *Garant J.-M.* Jacques-Nicolas Bellin ...
- ³⁸ [*Bellin J.N.*] Le Petit Atlas Maritime. V. I. [Из пред-уведомления].
- ³⁹ *Palomino J.-F.* Entre la ...
- ⁴⁰ См. карту: Carte Reduite Detroit de Magellan / Maps of the Americas Antique maps ins / Gallery / Barri Lawrence Ruderman. URL: <http://www.raremaps.com/gallery/enlarge/25920> (дата обращения: 19.09.2013).
- ⁴¹ См.: J.N. Bellin. Plan de Bordeaux. Paris, 1764 / The Map House of London. URL: http://www.themap-house.com/search_getamap.aspx?id=2750&ref=FR2600 (дата обращения: 20.01.2011).
- ⁴² См.: URL: <http://www.s3.amazonaws.com/sanderusmaps.9000.be/160207-1145.jpg> (дата обращения: 13.02.2013).
- ⁴³ См.: Bellin J.N. Plan de Jedo (1752) // Ceographicus fine antique maps. URL: <http://www.geographicus.com/P/AntiqueMap/EdoTokyo-schley-1752> (дата обращения: 19.10.2013).
- ⁴⁴ См.: Bellin J.N. Plan du Port et de la Ville de Nangasaki (Paris 1750). URL: <http://www.swaen.com/item.php?id=5871> (дата обращения: 19.10.2012).
- ⁴⁵ См.: Fortaleza de Ormuz (URL: <http://www.wdl.org/gu> (дата обращения: 29.02.2013)).
- ⁴⁶ См.: Rare Maps and books. URL: http://www.raremapsandbooks.com/index.php?main_page=product_info&products_id=7990.
- ⁴⁷ См.: China : Rare Maps and books. URL: <http://raremapsandbooks.com> (дата обращения: 20.01.2012).
- ⁴⁸ Jo Si Wo zwischen Tyen Tsing Wey und Peking. Aus dem Neuhof [19 × 28 cm] (Leipzig, 1758. № 2). См.: URL: <http://www.bergbook.com> (дата обращения: 14.02.2013).
- ⁴⁹ Festung Tyen Tsing Wey. Aus dem Neuhof [17,5 × 26,2 cm] (Leipzig, 1750. № 20). См.: URL: <http://www.bergbook.com> (дата обращения: 14.09.2013).
- ⁵⁰ Очевидно, имеется в виду работа петровских геодезистов Ивана Евреина и Федора Лужина, отправленных Петром I в Сибирь «для описания тамошних мест», а также на Камчатку для определения «сошлась ли Америка с Азией» и составивших карту Восточной Сибири с Камчаткой и Курильскими островами, вывезенную позже в Европу (см.: *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. // Труды Архива АН СССР. М. ; Л. 1946. Вып. 6. С. 13–14).
- ⁵¹ Здесь узнается в качестве источника соответствующая карта из «Атласа Российского», изданного Академией наук в Петербурге в 1745 г.
- ⁵² Имеется в виду маршрут сибирского путешествия 30–40-х годов XVIII в. члена Петербургской Академии наук Иоганна Георга Гмелина («Гмелина-старшего»), немецкого ученого на русской службе, чье «Путешествие по Сибири» вышло в 1751–1752 г.
- ⁵³ О путешествии Ж.-Н. Делиля в Березов см.: *Пекарский П.П.* Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. СПб., 1865. 74 с. ; Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г. : дневник Т. Кенигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008. 543 с.
- ⁵⁴ Имеются в виду данные Первой и Второй Камчатских экспедиций 20-х и 30–40-х годов XVIII в. под руководством В.И. Беринга и А.И. Чирикова. Сведения об открытиях русских вдоль берегов Ледовитого и Тихого океанов стали широко известны в Европе благодаря изданной Петербургской

- Академией наук в 1754 и 1758 г. и переизданной в Амстердаме на французском языке в 1766 г. карте новых русских открытий «Nouvelle Carte des Découvertes faites par Vaisseaux Russiens aux cotes inconnues de l’Amerique Septentrionale avec les Pais Adiacents...».
- ⁵⁵ Впечатление подкрепляется наличием в европейской картографической традиции такой разновидности, как изоморфные карты; например средневековая карта Азии в виде Пегаса, карта «Европа-Дева» 1592 г., карты Бельгии в виде льва и др.
- ⁵⁶ Местное предание сохранило древнее имя этого ильменя (*астрах.* озеро, особенно образующееся от широкого разлива реки; в которое впадает река и из него же вытекает и др.) – Бляблинский. Знатоки утверждают, что «Бляблин» в переводе на современный русский означает «Оплеухов» (блябла – *ж. вят.-оренб.* заушина, оплеуха, пощечина; блябнуть кого-л. – ударить в ухо) (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 100 ; Т. 2. С. 41 ; *Максимов В.О.* Жирноклеев – это звучит гордо : фамилия как средство легализации капитала // *Знание – сила.* 2006. № 3 (3) ; *Шенкман Я.* Фамильная драгоценность [Электронный ресурс] / *Огонек.* 2005. № 38. 19–25 сент. URL: <http://www.ogoniok.com> (дата обращения: 25.08.2011)). Возможно, таким было «фамильное прозвище» служившего некогда в здешних местах стрелецкого головы или казачьего сотника, от которого мог получить название этот давно исчезнувший ильмень.
- ⁵⁷ О заведении в Астрахани аптекарского огорода, виноградных садов и конского завода персидских пород // *ПСЗ.* СПб., 1830. Т. VI : 1720–1722. № 3668. С. 251–252 ; *Штылько А.Н.* Астраханская летопись историческая : Известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни Астрахани с 1554 г. по 1896 г. вкл[ючительно]. Астрахань, 1897. С. 15.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 46. Л. 605; и далее – переписка 1720 г. о Птичьем дворе в Астрахани по данным «ревизора» поручика Преображенского полка Белавина, включающая первой рисунок со схематичным изображением строений двора, представлявших собой мазанковые хатки.
- Благодарю Виктора Абрамовича Коренцвита, сообщившего мне об этих материалах, а также Марину Виленовну Бабич, просмотревшую их в РГАДА по моей просьбе.
- См. также: *Марков А.С.* Петр Первый и Астрахань. Астрахань, 2008. С. 183–194.
- ⁵⁹ Благодарю за это уточнение Алексея Владимировича Постникова, академика РАЕН, доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, члена редколлегии и Совета директоров международного журнала по истории картографии «Imago mundi», члена авторского коллектива многоотомного труда по истории картографии (США), осенью 2011 г. взявшего на себя труд прочитать рукопись настоящей статьи и высказавшего несколько замечаний.
- ⁶⁰ *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 48–49.
- ⁶¹ ОР БАН. Собрание иностранных рукописей. Fol. 266. Т. 3. № 172. Л. 46.
- Опубликован: *Гусарова Е.В.* Астраханские находки : история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. Ил. 2. (цв. вклейка). См. также на сайте астраханского краеведа Дамира Шамарданова в «Астраханской цифровой библиотеке»: URL : <http://damir.com> (дата обращения: 17.01.2013).
- ⁶² *Александров Б.В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги БАН СССР / Прил. II к статье В.Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии наук XVIII в.» // *Труды Архива АН СССР.* С. 331. № 326.
- ⁶³ *Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф., Боброва Е.И.* Исторический очерк и обзор фондов ОР БАН СССР : Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М. ; Л., 1961. С. 118.
- ⁶⁴ *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777. Т. 2 : Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе с начала августа 1769 по 5 июня 1770 г. Табл. 43.
- ⁶⁵ ОР БАН. Основное собрание ... № 717. Опубликовано: *Гусарова Е.В.* Астраханские находки ... (См. Ил. 5 на цв. вкл.).
- ⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Гусарова Е.В.* Астраханские находки ... С. 385.
- ⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178 (Астраханская Приказная палата). Оп. 1. Д. 974 ; Д. 1008.
- ⁶⁸ Церковь Воскресения Христова была приходской и стояла в кремле, недалеко от Красной башни (Там же. Д. 8417), которую в документах XVII в. называют поблизости к этой церкви Воскресенскими Красными воротами (Там же. Д. 8118) или даже просто Воскресенскими воротами (Там же. Д. 1095 ; Д. 1107).
- ⁶⁹ Церковь Иоанна Богослова стояла близ Воеводского двора и считалась придомовым храмом астраханских воевод.
- ⁷⁰ *Саввинский И.И., священник.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.). Астрахань, 1903. С. 96.
- ⁷¹ Подробно см.: *Соколов А.П.* Начало Астраханского порта // *МС.* 1849. Т. II. № 2.
- ⁷² «Палисад кругом адмиралтейства с неглубоким рвом» – определяет эти укрепления документ 60-х годов XVIII в. (РГА ВМФ. Ф. 326 (Строительные чертежи). Оп. 1. Д. 1466).

I. ARTICLES

- ⁷³ «Вновь зделанной еленг ради вытаскивания судов», «Пристань, на которой стоит кронмачта для килевания судов и постановления мачт», «Бывшая малинькая гаванца для заводки гребных судов и плотов от бываемых крепких ветров», «Новые каменные выхода, в которых хранитца морская провизия», «Вновь строящийся командирской дом», «Анбар, где стоят Его Императорского Величества государя Петра Перваго плезир яхта и баржа... а в протчих... лежат дубовые леса для починки фрегатов и хранятца мелкие суда и фрегацкие стенги, рей, канаты и протчие матриаль», «Гошпитальные погреба со льдом для сохранения про больных в летнее время пива и квасу», «Кантора Астраханского порта ветхая, в которой состоит покоев: в верхнем департаменте штурманское училище и для малолетних учеников школа, щетная комиссия, архив из давних лет с разными делами, в нижнем департаменте караульные, офицерской и салдацкой дом, блокава, купорная и столярная мастерские...» (Там же).
- ⁷⁴ ([Бруин де К.] Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / пер. с фр. П.П. Барсова. М., 1873. С. 189, 222). Здесь же автор перечисляет своих знакомцев, с которыми подружился в Астрахани по дороге в Персию в 1703 г., но не застал на обратном пути в 1707 г. – они погибли в ходе стрелецкого восстания 1705–1706 г. Именно после этих событий образовалась на берегу реки Болды, подальше от города, астраханская немецкая слобода.
- ⁷⁵ Леонтьев Н.Ф. Петр I и Астрахань // Полтавская победа. 200-летний юбилей. Астрахань, 1909. С. 24.
- ⁷⁶ Иоганн Кришгоп Рентель, француз; на русской службе с 1703 г., с 1707 г. находился в Астрахани «для управления тамошними судами и наблюдения за коммерцією», в 1714–1717 г. командовал Каспийской флотилией, в 1719 г. участвовал в описи Каспийского моря ([Веселаго Ф.Ф.] ОМС. СПб., 1885. Ч. I : От основания флота до кончины Петра I. С. 320–321).
- ⁷⁷ Скампавея – небольшая галера, парусно-гребное судно, предназначенное для перевозки войск, высадки десанта, разведки.
- ⁷⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 113 (Русское историческое общество). Оп. 4. Д. 100. Л. 4–5.
- ⁷⁹ Там же. Л. 140.
- ⁸⁰ Ключаревская летопись : История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. С. 57.
- ⁸¹ Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. «Цензурный комитет – Человек». С. 405.
- ⁸² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. : 1722. Царствование государя императора Петра I. С. 156, 157.
- ⁸³ Саввинский И.И. Историческая записка ... С. 82.
- ⁸⁴ Ключаревская летопись ... С. 39.
- ⁸⁵ Астрахань : Храмы и монастыри / авт.-сост. игумен Иосиф (Марьян). Астрахань, 2002. С. 242.
- ⁸⁶ Часовню, показанную на русском чертеже на берегу Волги, французская гравюра игнорирует вовсе.
- ⁸⁷ Хотя сведения о таких храмах имеются в документах времени пребывания в городе Петра I. См. дело 1722 г. «О католических и лютеранских церквах, построенных в Астрахани» (РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 3. Д. 1304).
- ⁸⁸ Саввинский И.И., священник. Католики и лютеране в Астраханской епархии и отношение к ним Святейшего Синода и местной епархиальной власти. Астрахань, 1902. С. 3–47.
- ⁸⁹ Там же. С. 49.
- ⁹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII–IX. Тула, 1990. С. 265.
- ⁹¹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования ... Т. 2. С. 70–71.
- ⁹² Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 171. Добавим, что в конце XIX в. в том же районе, в «Четвертом городском участке» Астрахани, существовал еще и «Ямгурчевский сад», с фонтаном и деревянной оградой (ГААО. Ф. 94 (Астраханская городская управа). Оп. 1. Т. 8. Д. 3469. Л. 29 об.).
- ⁹³ Эдисанскими, насколько я могу судить, назывались татары одной из ногайских орд, кочевавшей некогда близ реки Яик.
- ⁹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2864.
- ⁹⁵ Там же. Д. 2844.
- ⁹⁶ Там же. Д. 4276.
- ⁹⁷ Там же. Д. 5876.
- ⁹⁸ Там же. Д. 2274.
- ⁹⁹ Так, в октябре 1643 г., когда «свои», ногайские улусы возвратились под Астрахань с летних кочевий только с одними стадами – «жен и детей со всеми их животы» у них «отгромили казыевские и темрюкские татары» – астраханский воевода князь Борис Александрович Репнин отправил под Азов к казыевским мурзам напоминание об их «шерти» (присяге, «клятвенном обещании»), а также приглашение идти кочевать под Астрахань (Там же. Д. 1520).
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 2323.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 2612 ; 2618.
- ¹⁰² Там же. Д. 2864.
- ¹⁰³ В том же 1654 г. Ямгурчей просил стрелецких голов Ивана Милянина и Дмитрия Каирова с их людьми не покидать его улусы, оставаться (повидимому во время перекочевки) для охраны их «от недругов» (Там же. Д. 2953).
- ¹⁰⁴ В 1660 г. специальным «листом» (грамотой) Ямгурчей подтвердил свою присягу (Там же. Д. 3563), а в 1678 г. русскому царю «шертовал» его сын Назым-мирза (Там же. Д. 7695).

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- ¹⁰⁵ В 70-е годы XVII в. вместе с князем Хазбулатом Черкасским ходил «в поход к Чигирину на Крымского хана» (Там же. Д. 7838, 8020), в 1682 г. посылал своих людей «в горы для встречи Арчила-царя» – охранял очередное направлявшееся в Москву грузинское посольство (Там же. Д. 9034), снабжал Московию «коньми», регулярно отправляя их «ордобазарными станицами» из нижне-волжских степей «к Руси» (Там же. Д. 3014, 3018).
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 7695.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 5412, 6926.
- ¹⁰⁸ В 1654 г. воевода князь Иван Петрович Пронский принимает меры против «шатости» и непослушания ногайских улусных людей своим мурзам, в том числе Ямгурчею (Там же. Д. 3020).
- ¹⁰⁹ В документах Астраханской Приказной палаты встречаются дела с разбором распрей между едиганскими, ногайскими, юртовскими татарами (Там же. Д. 7545 ; 9090).
- ¹¹⁰ Цит. по: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 890.
- Это удивление французского путешественника, для которого нормой было отношение европейских колонистов к аборигенам неевропейского мира, глубоко симптоматично, столь же, сколь глубоко различные исторические судьбы татар в России и, например, индейцев в Америке (включая проплаченные государством скальпы индейских женщин и детей, а также раздачу коренным жителям страны зараженных одеял).
- ¹¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2845, 2864, 2869.
- ¹¹² В октябре 1659 г. астраханский воевода князь Дмитрий Петрович Львов пишет царю о возвращении «из Большого Нагая» улусов мурзы Ямгурчея (Там же. Д. 3455); см. также «Роспись улусных людей мурзы Ямгурчея, выпущенных из Ямгурчеева городка с порожними отарными телегами» мая 1663 г. (Там же. Д. 4656).
- ¹¹³ *Плужников В.И.* Термины российского архитектурного наследия : от А до Я : словарь-гlossарий. М., 1995. С. 33.
- ¹¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 78. Оп. 1. Д. 8141.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 4352.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 11121.
- ¹¹⁷ *Рычков П.И.* Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов, а во второй – о покорении сего царства под державу Российских монархов. М., 1774. С. 70–71.
- Казанская Рыбная контора была, очевидно, подразделением Приказа Казанского дворца – центрального органа, «ведавшего низовые украинные городы» и существовавшего до 1708 г. Исходя из этого, сведения Ивана Маленького следует отнести к началу XVIII в.
- ¹¹⁸ *Леонтьев Н.Ф.* Петр I и Астрахань. С. 20.
- ¹¹⁹ *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в. // История Среднего Поволжья [сайт]. Библиотека. URL: <http://medianet.yartel.ru> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича : [исследование и текст]. Киев, 1915. С. 172.
- ¹²² *Бакланова Н.А.* Постройка Нового гостиного двора в Москве : 1660–1665 гг. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия : сборник статей. М., 1952. С. 192–194.
- ¹²³ Показательно, что на французской гравюре этот объект назван «Eynhoirehof» – искаженное «Ямгурчеев двор», именно «hof» (двор), а не «burg» (не городок, не укрепление).
- ¹²⁴ *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования ... Т. 2. С. 152–153.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ См. дело 1723 г. «О дозволении построить Михайловскую церковь на месте обветшавшей в Астрахани» (РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 490).
- ¹²⁷ Астрахань : Храмы и монастыри ... С. 170; *Штылько А.Н.* Астраханская летопись историческая ... С. 17, 24.
- ¹²⁸ РГА ВМФ. Ф. 138 (Экспедиция над верфями и строениями). Оп. 1. Д. 108.
- ¹²⁹ *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования ... Т. 2. С. 153.
- ¹³⁰ Там же. С. 143.
- ¹³¹ Два редких европейских изображения стен и башен астраханского Деревянного города можно разглядеть на плане и панораме Астрахани конца XVII в. из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (Т. 2. С. 838–839).
- ¹³² См.: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. М., 1994. С. 89.
- ¹³³ См.: Астрахань в 1709 году // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1894. С. 26–27.
- ¹³⁴ *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. М., 1977. С. 228.
- ¹³⁵ *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVI – начала XVIII в. М., 1982. С. 12.
- ¹³⁶ Например перепись дворов 1622 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 625).
- ¹³⁷ Там же. Д. 1568 (Роспись работных людей, которые «ломали острог», на выдачу им поденной платы).
- ¹³⁸ Там же. Д. 1373 («Сказка» о выдаче хлебного жалованья стрельцам, работавшим каменщиками у «городового каменного дела»); Д. 1569 (Роспись работных людей, которые «ломали наугольную башню для каменного городского дела»).

I. ARTICLES

- ¹³⁹ Там же. Д. 1484а (Купчая на половину двора в «новом каменном городе», в переулке, за стрельцовой избой приказа Алферья Кудрявцева) ; Д. 1547а (Купчая на двор «в новом каменном городе, у решетки в Наметкиной улице», проданный конными стрельцами приказа Григория Ивановича Нетесева).
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 1374 (О поселении вновь прибывших в Астрахань стрельцов на отведенных им местах «в новом приделанном городе»).
- ¹⁴¹ Там же. Д. 1778 ; Д. 1791.
- ¹⁴² Там же. Д. 6804.
- ¹⁴³ Там же. Д. 4434 (Перепись нарядов в караул 1662 г.) ; Д. 6316 (Роспись ветхих построек 1673 г.).
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 3900 ; Д. 4055. Это упоминание повторяется в документах 1662 г. (Там же. Д. 4434).
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 4100.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 4155 ; Д. 4206 ; Д. 4227.
- ¹⁴⁷ Глухая башня, «что слово калитка», определяет ее «Росписной список» 1709 г. (Астрахань в 1709 году. С. 28).
- ¹⁴⁸ Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4194.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 4559 ; Д. 4564.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 4352.
- ¹⁵¹ Неслучайно тогда же, в 1663–1665 г., отстраивается и Русский гостиный двор в Белом городе (*Штылько А.Н.* Астраханская летопись ... С. 8), существовавший с XVI в.
- ¹⁵² *Штылько А.Н.* Астраханская летопись ... С. 8.
- ¹⁵³ Ключаревская летопись ... С. 19.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵⁵ Стольник князь Семен Васильевич Прозоровский служил в Астрахани в 1620–1622 годах (*Шокарев С.Ю.* Правители опасной черты : Астраханские воеводы, губернаторы и наместники в XVI–XVIII вв. // Каспийский транзит. Т. 2 // Арабески истории. 1996. Вып. 5–6. С. 603), то есть не в период служения здесь четвертого Астраханского архиепископа Рафаила, а второго, Онуфрия, преставившегося в 1627 г. (Ключаревская летопись ... С. 14).
- ¹⁵⁶ Отметим, что А.Н. Штылько не первым отнес известие Ключаревской летописи о татарском набеге к 1660 г. До него это сделал М.С. Рыбушкин в своих «Записках об Астрахани» (М., 1841; см.: Астрахань, 2008. С. 81–82), которому А.Н. Штылько, с одной стороны, поверил (видимо, учитывая упомянутые тем в предисловии «многие свитки, грамоты и бумаги» архива местного губернского правления), а с другой – предпочел сослаться не на Записки, а на Летопись, по-видимому, как на жанр аутентичный по определению. Современный комментатор А.Л. Рязцев не сомневается в достоверности этих сведений и у М.С. Рыбушкина и у А.Н. Штылько (Там же. С. 242).
- ¹⁵⁷ Россия : Хроника основных событий IX–XX вв. М., 2002. С. 106.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ *Дмитриев С.В.* Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркологический сборник 2002 г. Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 212–215.
- ¹⁶¹ *Булгын И.А.* Башкирские восстания // СИЭ. М., 1962. Т. 2 : Баал – Вашингтон. С. 189.
- ¹⁶² «До 1660 г. правительство прилагало большие усилия, чтобы помешать этим набегам, наносящим значительный ущерб здешней торговле»; «башкиры осмелели и стали совершать набеги столь далеко за пределы своих охотничьих угодий, что в 1662 г. русское правительство было вынуждено запретить им любые враждебные вылазки против калмыков» (*Порталь Р.* Россия и башкиры : История взаимоотношений : (1662–1798 гг. Непубликованная рукопись 1949 г. из архива Института славяноведения в Париже) // История Оренбуржья [сайт]. URL: <http://kraeved.opck.org> (дата обращения: 23.09.2011)). См. также: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // ИЗ. М., 1947. Т. 24.
- ¹⁶³ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 2 (Канцелярия Главной артиллерии и фортификации). Оп. ШГФ. Д. 101а. Л. 1 об.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 101а. Л. 1.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 385. Л. 31–316 об.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 1–5.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 321 об.–322 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 315.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 321.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 1674. Л. 31–32 об.
- ¹⁷¹ «Рейландский» (рейнландский, рейнский) фут – единица длины, распространенная в XVIII в. в Западной Европе; равен 31,39 см. В России появился в результате метрологической реформы Петра I, основой которой стал английский фут – единица, равная длине стопы взрослого человека. Рейнландский фут в России был равен английскому, его использовали реже, в основном моряки (см. *Соймонов Ф.И.* Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих мореплаванию. СПб., 1739). Отметим, что на французской гравюре, сделанной с рассматриваемого плана Астрахани, масштаб указан во французских туазах: «Echelle de Cinq Cent Toises» (туаз – старинная французская мера длины, равная 6 парижским футам, или 1,949 метра).
- ¹⁷² Благодарю за приведенный анализ филигрны сотрудника ОР БАН Алексея Геннадьевича Сергеева.
- ¹⁷³ ПСЗ. Т. VI. № 3682. С. 266.
- ¹⁷⁴ *Шибанов Ф.А.* Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971. С. 42.
- ¹⁷⁵ По данным историков, в 1721 г. на съемках было задействовано 34 геодезиста, в 1734 г. – сто одиннадцать. Всего в первую половину XVIII в.

- выявлено геодезистов, преимущественно выпускников Навигацкой школы и Морской академии, по данным Ф.А. Шибанова 245, а по данным Л.А. Гольденберга – 275 человек. По сложившейся традиции в литературе их называют петровскими геодезистами – по времени формирования.
- ¹⁷⁶ *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 38.
- ¹⁷⁷ ПСЗ. Т. V. № 3266. С. 607.
- ¹⁷⁸ *Гольденберг Л.А., Постников А.В.* Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М., 1990. С. 28.
- ¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Кн. № 1/1201, № 2 (цит. по: *Фель С.Е.* Картография России ... С. 82).
- ¹⁸⁰ Персидский (Каспийский) поход Петра I начался, как известно, в 1722 г.
- ¹⁸¹ ГААО. Ф. 394 (Астраханская Губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 33. Л. 32 ; цит. по: *Марков А.С.* Петр Первый и Астрахань ... С. 175.
- ¹⁸² РГА ВМФ. Ф. 212 (Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1723 г. Д. 33. Л. 120.
- Благодарю Павла Александровича Кротова, сообщившего мне об этом документе и продиктовавшего ссылку на него.
- ¹⁸³ Цит. по: Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1882. Т. III : Указы в Адмиралтейств-коллегию. № 664. С. 400.
- ¹⁸⁴ Цит. по: *Иванов П.И.* Обзорение геодезических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 году // Записки РГО. СПб., 1853. Кн. IX. С. 439.
- ¹⁸⁵ Полное название: «Карта Волги реки от Саратова до морского устья, также где Астраханское царство, а ныне губернаторская резиденция и присутственные города Саратов, Дмитриевск при Камышенке со изъявлением прежде бывшей слюзной работы для коммуникации из Волги в Дон, а из Дону в Волгу, Царицын [от которого в 17... году командированными полками под командою генерал майора Кропотова зделана линия до реки Дону с четырьмя крепостями и тем незапныя кубанских татар набеги пресечены], городок Селитреной Красной Яр и вся протока, называемая река Ахтуба, при которой до владения российского Золотая Орда жительство имели и поныне имеютца каменного строения многие здания, степь, по которой главное кочевье калмыцкого хана с калмыками и астраханских юртовых татар; дорога землею к реке Терку, где имеют гребенские казаки 4 городка, также и место города Терек, из коего переведены жители х крепости Святого Креста, зделанная малая крепость Терки. В сих местах по реке Волге, а особливо в устьях морских, в учугах, великое множество рыбы: осетров, белуг, стерлядей и иных, икры, клею, также соли самосадки и отпускают в судах в верховые города. Описывали и рисовали геодезисты Аверкий Тулубеев с товарищи» ([*Кирилов И.К.*] Атлас Всероссийской империи / собрание карт И.К. Кирилова. СПб., 1722–1737. С. 37 // Руниверс [сайт]. URL: <http://www.runivers.ru> (дата обращения: 03.02.2013)).
- ¹⁸⁶ Атлас Всероссийской империи, в котором все ея царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколко возмogli российский геодезисты описать оныя и в ландкарты положить по длине и ширине, точно изъавляются и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатные горы, леса, болота, болшие дороги и протчая со всяким прилежанием изледованные российскими и латинскими именами подписаны имеются трудом и тщанием Ивана Кирилова [...] М., 1734.
- ¹⁸⁷ Донесение в Сенат в 1719 г. А.П. Волынского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. I. С. 241.
- ¹⁸⁸ «Текущие запросы и потребности жизни были столь многочисленны, срочны и разнообразны, что для удовлетворения их не хватало работников геодезической специальности и все различные силы брались, как говорят, "на расхват", без всякого резерва» (*Фель С.Е.* Картография России ... С. 98).
- ¹⁸⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3609. С. 214.
- ¹⁹⁰ Подробнее см.: *Мусихин А.* Петровский геодезист А.Ф. Клешнин и его работы в Вятской провинции // Петряевские чтения 2001 : тезисы докладов. Киров, 2001. С. 144–163.
- ¹⁹¹ *Дивин В.А.* Великий русский мореплавател А.И. Чириков. М., 1949.
- ¹⁹² *Попов С.В.* Автографы на картах // Полярная почта. URL: <http://www.polarpost.ru/Library> (дата обращения: 15.10.2013).
- ¹⁹³ ОПИ ГИМ. Каталог петровских геодезистов Л.А. Гольденберга.
- ¹⁹⁴ *Постников А.В.* Карты земель российских : очерк истории географического изучения и картографирования нашего Отечества. М., 1996. (См.: Аннотированный указатель имен).
- ¹⁹⁵ ОПИ ГИМ. Каталог ... Гольденберга. № 129 (цит. по: *Постников А.В.* Карты земель ... С. 184).
- ¹⁹⁶ В 1733 г. в с. Хорошевском под Москвой открылось первое ветеринарное учебное заведение – «Конюшенная школа» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 77. Д. 34559 (О постройке в Конюшенных дворцовых заводах конюшен, о сочинении означенному строению планов и прочем. 1734 г.). № 6. Л. 3).
- ¹⁹⁷ ОПИ ГИМ. Каталог ... Гольденберга. № 180 ; Цит. по: *Постников А.В.* Карты земель ... С. 189).
- ¹⁹⁸ ОР БАН. Основное собрание ... № 308.

I. ARTICLES

- ¹⁹⁹ Иванов П.И. Обзорение геодезических работ в России ... С. 435.
- ²⁰⁰ ОПИ ГИМ. Каталог ... Гольденберга. № 206 (цит. по: *Постников А.В.* Карты земель ... С. 191).
- ²⁰¹ *Шибанов Ф.А.* Очерки по истории отечественной картографии ... С. 48.
- ²⁰² ОПИ ГИМ. Каталог ... Гольденберга. № 229 (цит. по: *Постников А.В.* Карты земель ... С. 192).
- ²⁰³ *Шибанов Ф.А.* Очерки по истории отечественной картографии ... С. 44–45.
- ²⁰⁴ ОР БАН. Основное собрание ... № 530.
- ²⁰⁵ Там же. № 731.
- ²⁰⁶ Цит. по: Материалы к истории межевания (из дел Архива Министерства юстиции) // *Межевой вестник*. 1884. № 8. С. 59–62 ; см. также: *Герман И.Е.* История межевого законодательства от Уложения до генерального межевания (1649–1765). М., 1893. С. 306–307.
- ²⁰⁷ Добавим, что сенатские чиновники взяли в этом конфликте сторону важного иноземца: его «обнадежили», что «награждение ему учинено будет особо», а геодезистов, «о которых он написал, что оные в науке, принадлежащей к межевому делу, не искусны», постановили «для окончания той науки» отослать в Академию наук (Там же).
- ²⁰⁸ При ней существовала команда геодезистов, занимавшихся картографированием и описанием земель для нужд конюшенного ведомства.
- ²⁰⁹ *Курукин И.В.* Артемий Волынский. М., 2011. С. 212.
- ²¹⁰ *Гольденберг Л. А., Постников А.В.* Петровские геодезисты ... С. 27.
- ²¹¹ *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии ... С. 36.
- ²¹² Съёмка с помощью астролябии, угломерного прибора, служившего для определения широт и долгот; подробнее см.: *Масликов С.Ю.* Астролябия – компьютер Средневековья // *Астрономия и телескопостроение*. URL: <http://www.astronomer.ru/library> (дата обращения: 20.01.2013).
- ²¹³ Мензула – «геометрический столик», на котором вычерчивалась ситуация непосредственно во время съёмок в поле; в России распространилась с конца XVIII в. (*Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии ... С. 43).
- ²¹⁴ *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии ... С. 36–37.
- ²¹⁵ *Евтеев О.А.* В.Н. Татищев и русские государственные съёмки первой половины XVIII в. (по материалам фонда Сената ЦГАДА) // *Вопросы географии*. М., 1958. Вып. 42. С. 130.
- ²¹⁶ *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии ... С. 39–41.
- ²¹⁷ Краткое показание к сочинению ландкарт // Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями ... СПб., 1745. С. 4.
- ²¹⁸ *Салищев К.А.* Картоведение. М., 1990. С. 333.
- ²¹⁹ См. например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. № 1201 (О геодезистах 1720–1732 гг.).
- ²²⁰ Цит. по: *Гольденберг Л.А.* Малоизученные источники по истории картографии России первой половины XVIII в. // *Проблемы исторической географии России*. М., 1983. Вып. III. С. 114.
- ²²¹ ПСЗ. Т. VI. № 3695. С. 277.
- ²²² Цит. по: *Гольденберг Л.А.* Малоизученные источники ... С. 100.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Инцидент с геодезии учеником Лопыревым явно не относится к астраханскому периоду карьеры А.П. Волынского (Там же. С. 103).
- ²²⁵ Там же.
- ²²⁶ Там же. С. 100.
- ²²⁷ Там же. С. 101.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Там же. С. 103.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Цит. по: *Гольденберг Л.А.* Малоизученные источники ... С. 88.
- ²³² ОР БАН. Основное собрание ... № 746.
- ²³³ См.: *Клименко С.В.* План Москвы 1739 года ... С. 130–137.
- ²³⁴ См.: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование. СПб., 2003.
- ²³⁵ *Постников А.В.* Карты земель ... С. 42–43.
- ²³⁶ Цит. по: *Гольденберг Л.А.* Малоизученные источники ... С. 90.
- ²³⁷ Там же.
- ²³⁸ *Гольденберг Л. А., Постников А.В.* Петровские геодезисты ... С. 36.
- ²³⁹ *Гольденберг Л.А.* Малоизученные источники ... С. 90.
- ²⁴⁰ *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии ... С. 38.
- ²⁴¹ Там же. С. 36.
- ²⁴² *Фель С.Е.* Картография России ... С. 86.
- ²⁴³ *Новлянская М.Г.* Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII в. М. ; Л., 1964. С. 41.
- ²⁴⁴ Совершенствование методов, расширение номенклатуры продолжалось и далее: в 1742 г. Санкт-Петербургская АН требовала показывать на картах не только «колодезь», «ключ», «огонь выбрасывающие горы», но также «явные в воде камни» и даже «потаенные камни» (ПФА РАН. Ф. 3 (Канцелярия Академии наук). Оп. 10. Д. 74. Л. 17–21).
- ²⁴⁵ Подробнее см.: *Гусарова Е.В.* Астраханские находки ... С. 136–198.
- ²⁴⁶ Подробнее см.: *Гусарова Е.В.* Летний дворец Петра I в Астрахани // *Астраханские краеведческие чтения*. Астрахань, 2011. Вып. III. С. 145–163; *Гусарова Е.В.* Астраханские находки ... (URL : <http://damir> (дата обращения: 20.01.2013)).

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- ²⁴⁷ Астрахань : Храмы и монастыри ... С. 143 ; *Рыбушкин М.С.* Записки об Астрахани. С. 136–138.
- ²⁴⁸ РГВИА. Ф. 3 (Военная контора). Оп. 3. Д. 2397. Опубликовано: *Воробьев А.В.* К 400-летию города Астрахани // *Архитектура СССР*. 1956. № 8. С. 41.
- К сожалению, у автора настоящей работы не было возможности познакомиться с подлинником плана, так как фонд чертежей, в котором он хранится, был временно недоступен, как известило меня руководство архива. Возможно, в дальнейшем у кого-то найдется способ увидеть подлинник и рассказать о нем подробнее.
- ²⁴⁹ О том, что кондукторы военно-инженерного ведомства направлялись и в Сенат, и в Географический департамент Академии наук за чертежами для нужд «главной артиллерии и фортификации», есть подтверждения в источниках (см.: *Протоколы Географического бюро // Источники по истории астрономии в России XVIII в.* СПб., 2000. Т. I. С. 165 и др.).
- ²⁵⁰ Кроме того, имени Ивана Дурова нет ни в одном из известных списков имен сенатских геодезистов.
- ²⁵¹ *Фель С.Е.* Картография России ... С. 154.
- ²⁵² Цит. по: *Новлянская М.Г.* Иван Кириллович Кирилов, географ ... С. 51.
- ²⁵³ Там же. С. 66.
- ²⁵⁴ Из письма А.В. Макарова Л.Л. Блюментросту от 30 декабря 1726 г. (МийАн. СПб., 1886. Т. 3. С. 213).
- ²⁵⁵ *Утин Г.Н.* Новое о собраниях русских карт первой половины XVIII в. в Париже // *Известия Академии наук СССР. Сер. географическая*. 1981. № 2. С. 130.
- ²⁵⁶ *Постников А.В.* Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2005. № 3. С. 22.
- Нельзя согласиться с датировкой этого чертежа началом XVIII в., так как Царицынскую линию строили в 1718–1723 г., а значит, карта с изображением этих укреплений могла появиться только после 1718 г.
- ²⁵⁷ МийАн. Т. 3. С. 496. № 549.
- ²⁵⁸ Там же. СПб., 1885. Т. 1. С. 214–215.
- ²⁵⁹ Один из исследователей прямо называет Делиля тем, «який увійшов в історію тим, що таємно надсилав до Франції копії російських карт, до яких мав доступ в Академії наук» (*Кордт В.* Матеріали до історії України. Київ, 1931. С. 62 [Электронный ресурс] // *Lawdiss*. Библиотека юриста. Харьков, 2013. URL: <http://lawdiss.org.ua/books> (дата обращения: 14.03.2013)).
- ²⁶⁰ В Национальной библиотеке в Париже, национальных архивах Франции, Центральном архиве Военно-морского флота в Венсенском замке.
- ²⁶¹ *Isnard A.* Josef-Nicolas Delisle : Sa biographie et sa collection des cartes geographiques à la Bibliotheque nationale // *Bulletin de la section de geographie du Comité des Travaux historiques et scientifiques*. Vol. XXX. Paris, 1915.
- ²⁶² *Omont H.* Lettres de J.-N. Delisle à comte Monrepa et à l'abbé Bignon sur ses travaux geographiques // *Bulletin de la section de geographie du Comité des Travaux historiques et scientifiques*. Vol. XXII. Paris, 1917.
- ²⁶³ Граф де Морепа (Жан Фредерик Фелипо) в 1723–1749 г. был государственным секретарем, то есть министром военно-морского флота, ведавшим также делами колоний. 22 июня 1725 г. Делиль получил «патент на выезд» в Россию в замке Шантильи от короля, сообщает французский биограф, но прежде «государственный секретарь... граф Морепа» сформулировал особые условия этого разрешения: Делиль «будет заниматься географическими работами, из которых может извлечь пользу Франция» (*Isnard A.* Josef-Nicolas Delisle : Sa biographie et sa collection ... P. 39, 44). «Желая получить место астронома в Петербурге, – добавляет отечественный историк, – Делиль оказался связан обязательствами перед французским правительством, в частности министром Морепа, это было одним из условий его отпуска в Россию и сохранения за ним жалованья на родине» (*Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 164–165).
- ²⁶⁴ *Лебедев Д.М.* География в России Петровского времени. М.; Л., 1950. С. 254–256; *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном ледовитом и Тихом океанах. М., 1950. С. 200–207 ; *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 10 : Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. / ред. А.И. Андреев, Г.П. Блок, Г.А. Князев. М.; Л., 1952. Примеч. к № 415. С. 632–634 // ФЭБ. Русская литература и фольклор. URL: [http:// feb-web.ru/feb/lomonos/default.asp](http://feb-web.ru/feb/lomonos/default.asp) (дата обращения: 14.06.2013).
- ²⁶⁵ *Постников А.В.* Новые данные о российских картографических материалах ... С. 38 ; *Салищев К.А.* Собрание русских карт первой половины XVIII в. в Париже : (Коллекция академик И.Н. Делиля) // *Известия АН СССР. Сер. географическая*. 1960. № 4 ; *Утин Г.Н.* Новое о собраниях карт первой половины XVIII века в Париже ...
- ²⁶⁶ Эта точка зрения представлена главным образом работами Н.И. Невской: Ж.-Н. Делиль – выдающийся организатор науки XVIII в. // *Материалы годичной конференции Ленинградского отд. Советского объединения истории и философии естествознания и техники*. Л., 1970 ; *Joseph Nicolas Delisle (1688–1768)* // *Revue d'Histoire des science et de leurs applications*. 1973. Т. 26.

- № 4 // Publications // Persee [portail]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rhs_0151-4105_1973_num_26_4_3365 (дата обращения: 20.01.2011); Жозеф Никола Делиль и Петербургская Академия наук (XVIII в.) // Вопросы истории астрономии. М., 1974. Сб. 3; Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984; Новое об астрономах Петербурга (XVIII в.) Л., 1990; Источники по истории астрономии России XVIII в. СПб., 2000. Т. I.
- Характерно, что в последней работе автор считает нужным заметить: «Уезжая из России, Делиль взял с собой лишь 5 богато изданных атласов в счет недоплаченного ему за полтора года жалованья...» (Источники по истории астрономии ... С. 262). Эта скрытая полемика с сообщениями о секретной деятельности Делиля лукава: Делиль действительно *не вывозил* с собой русские документы, а *пересылал* их «тюками» и «ящиками», как сообщает его французский биограф, с дипломатической почтой, и Невская должна была это знать, в своих работах она ссылается на вышеназванную биографию Делиля, где о том рассказано подробно.
- ²⁶⁷ Представляется, что руководство и специалисты петербургских научных учреждений, таких как БАН с ее Научно-исследовательским отделом рукописей и Сектором картографии, как Отделение ГЭ «Дворец Меншикова», являющееся центром петроведения, как Северо-Западный НИИ культурного и природного наследия, Центр изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» РНБ, Петровское историческое общество и другие, могли бы инициировать, организовать и осуществить столь необходимую для отечественного источниковедения работу.
- ²⁶⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1885. С. 215.
- ²⁶⁹ Там же. Т. 3. СПб., 1886. С. 496.
- ²⁷⁰ *Isnard A. Josef-Nicolas Delisle : Sa biographie et sa collection ...* P. 34.
- ²⁷¹ О том, что дата почерпнута Ф. Броделем из материалов Национальной библиотеки Франции (бывшей Королевской), могут свидетельствовать приведенные им здесь же шифры этой библиотеки.
- ²⁷² *Свенке К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорской Академией наук в 1745 г. : Собраны из Архива Императорской Академии наук // Прил. к IX т. Записок Императорской Академии наук. СПб., 1866. С. 96.
- ²⁷³ На обороте рассматриваемого чертежа нет надписей, которые оставял П.Л. Леруа, соотечественник Делиля и экстраординарный профессор истории АН, в 1735 г. назначенный «по совместительству» ответственным за хранение карт Географического бюро, либо другие его сотрудники: Х.Я. Шварц и Д. Трускотт. Как считает О.А. Красников, подобные надписи на обороте получили далеко не все чертежи Географического бюро.
- ²⁷⁴ «Из письма барона Корфа к графу Остерману оканчивается, что Географический департамент учрежден при Академии (речь об оформлении "де юре" в 1739 г. подразделения, существовавшего "де факто" уже более 10 лет. — Е.Г.) ...отчасти по недоверию к Делилю, которого подозревали, что он, имея в распоряжении все карты, присылаемые в Академию, приказывал копировать их с целью передачи потом за границу» (*Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. I. С. 131–132). Упомянутое письмо президента Академии наук И.А. Корфа, датированное октябрём 1738 г., связано с его попыткой поставить под контроль работу с картами, что вызвало известный демарш Делиля — отказ подчиниться требованию работать с картами только в Академии, не унося их домой (см.: Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. I. С. 506–507).
- ²⁷⁵ *Isnard A. Josef-Nicolas Delisle : Sa biographie et sa collection ...* P. 56.
- ²⁷⁶ Протоколы Географического бюро // Источники по истории астрономии России ... С. 224.
- ²⁷⁷ Там же. С. 215.
- ²⁷⁸ Там же. С. 233.
- ²⁷⁹ Там же. С. 238.
- ²⁸⁰ Там же. С. 167.
- ²⁸¹ Там же. С. 168.
- ²⁸² Там же. С. 245.
- ²⁸³ *Постников А.В.* Новые данные о российских картографических материалах ... С. 34–35.
- ²⁸⁴ См.: Les collections de la bibliothèque du service historique de la défense // SHD service historique de la défense. URL: http://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/contenu/ead.html?id=FRSHD_PUB_0000002_ead (дата обращения: 16.03.2013).
- ²⁸⁵ Благодарю за эти сведения Ольгу Алексеевну Красникову, встретившую эти материалы во Франции и сообщившую мне о них.
- ²⁸⁶ См. например: *Постников А.В.* Новые данные о российских картографических материалах ... С. 24–25.
- ²⁸⁷ В связи с этим отметим тревожную тенденцию, на которую указывает авторитетный отечественный специалист: «Мои исследования русских фондов в архивах и библиотеках Франции, продолжавшиеся в общей сложности около трех месяцев, дают основание утверждать, что они сейчас пытаются "скрыть следы" шпионской (я не шучу) деятельности этого, простите за выражение, "картографа". Когда я в первый раз работал во Франции (1987 г.), все

- фонды Ж.-Н. Делиля честно были озаглавлены как таковые, а в этом году я с удивлением обнаружил, что эти картографические коллекции расформированы и карты, раньше в них хранившиеся, разбросаны по региональным собраниям» (из письма А.В. Постникова автору статьи от 10 октября 2003 г.); «Я почувствовал стремление "спрятать" делилевские материалы в массиве других источников. Так, теперь никто действительно не найдет "фонда Делиля" в Отделе карт и планов Национальной библиотеки в Париже, но сами материалы там, конечно, сохранились, будучи "раскаталогизированы" по географическому и хронологическому признакам. Надеюсь, что рьяные политиканы от архивного дела не сотворят подобного безобразия с текстовыми материалами Делиля, хранящимися в громадных томах, рассыпав их по отдельным делам» (из письма А.В. Постникова автору статьи от 1 декабря 2011 г.).
- ²⁸⁸ Возможностей автора настоящего исследования не хватило для получения копии указанного плана Астрахани из Центрального архива Военно-морского флота Франции в Венсенне. Надеюсь, другие окажутся удачливее и смогут сделать окончательный вывод.
- ²⁸⁹ *Isnard A. Josef-Nicolas Delisle : Sa biographie et sa collection ...* P. 154.
- ²⁹⁰ Подробнее см.: *Гусарова Е.В.* Астраханские находки ... С. 164–165, 168.
- ²⁹¹ *Isnard A. Josef-Nicolas Delisle : Sa biographie et sa collection ...* P. 51.
- ²⁹² *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. III. С. 296.
- ²⁹³ *И[коннико]в В.С.* Сношения России с Францией : (XVI–XVIII вв.). Киев, 1893. С. 17–18.
- ²⁹⁴ *Постников А.В.* Новые данные о российских картографических материалах ... С. 17.
- ²⁹⁵ Заметим, что в эпоху Просвещения Востоком и особенно Китаем «бредили» не только политики и торговцы, но и европейские интеллектуалы. Вспомним издание сказок «Тысячи и одной ночи» в переводе Антуана Галлана (1704–1712), «Персидские письма» Монтескье (1721), «Китайские письма» маркиза Д'Аржана (1739–1740), «Сиамские письма» Жозефа Ландона (1751), «Турецкие письма» Мери Уорли Монтегю (1763), «Письма китайского философа» Оливера Голдсмита (1762). В том же ряду можно числить «Северную и Восточную Тартарию» Николаса Витсена (1692, 1705, 1785), «Трехлетнее путешествие в Китай, совершенное по суше посланником Московии Избрантом Идесом» (1704), «Беглые путешествия через Россию» Лоренца Ланга (1726), «Московские письма» Франческо Локателли (1736), «Русские путешествия» Альгаротти (1764), а также «восточные затеи» вроде путешествия английской писательницы и музыкантши леди Элизабет Крейвен в Польшу, Петербург, Крым, Константинополь, а затем в Болгарию и Валахию (1786), присоединение графа Сегюра и австрийского императора Иосифа к «шестию» Екатерины II в Крым (1787), вояж аббата Шапп Д'Отроша в Сибирь (1762; говорят, его наставлял «наш» Делиль), «бросок» Джона Ледьярда через Сибирь до Тихого океана (1787), и даже Шатобриан в молодости путешествовал по Северной Америке в поисках пути в Китай (1791).
- ²⁹⁶ Напомню, Вольтер разбогател «после умной спекуляции на фондовой бирже»; «второе, баснословное состояние он приобрел в результате использования акций государственной лотереи», а также, «пользуясь прагматическим сочетанием здравого смысла и интеллектуальности... вложил деньги в торговлю зерном, рассудив, что армейские контракты фактически лишают всякого риска эту область спекуляции» (*Маклинн Ф.* 1759. С. 306).
- ²⁹⁷ Переписка российской императрицы Екатерины Вторья с г. Волтером с 1763 по 1778 год. СПб., 1802. Ч. 1. С. 35.
- ²⁹⁸ Там же. С. 193.
- ²⁹⁹ Там же. С. 207.
- ³⁰⁰ Там же. С. 217.
- ³⁰¹ Из писем Вольтера Екатерине II // *Вольтер Ф.-М.* Избранные произведения. М., 1947. С. 953.
- ³⁰² Там же.
- ³⁰³ Там же. С. 586.
- ³⁰⁴ Вот отзыв жителей Дальнего Востока о европейских торговцах: «Жадные и хитрые, они хорошо знают цену вещам и умеют бороться за наибольший куш, рискуя жизнью и бесстрашно забираясь в самые удаленные уголки мира. Кто встретился с ними, непременно будет обобран до нитки...» (Цит. по: *Зюмтор П.* Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта / пер. с фр. М., 2001. С. 339).
- ³⁰⁵ Интересно, что Ф. Бродель возлагает ответственность за вторжение европейцев в цивилизации Дальнего Востока, «со сравнительной легкостью» завоевавших и перестроивших их экономики в своих интересах, на самих аборигенов, своей открытостью «как бы призывавших захватчика...» (*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм ... Т. 3. С. 539). История Китая показывает, как поступали европейцы с теми, кто не был столь открыт.
- ³⁰⁶ *Маркс К.* Англо-китайский конфликт // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 105–110; *Маркс К.* История торговли опиумом // Там же. С. 564–571; *Дементьев Ю.П.* Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае. 1844–

I. ARTICLES

- 1862 г. М., 1958 ; *Завадский М.С.* Приход с профицитом // Эксперт-online : Русский репортер. URL: <http://expert.ru/expert> (дата обращения: 09.10.2012).
- ³⁰⁷ Знаменитый пример продукции Д. Кокса – часы «Павлин» в Павильонном зале Эрмитажа (*Тройницкий С.Н.* Часовщик Джеймс Кокс // Старые годы. 1915. Март ; *Макаров В.К.* Часы «Павлин» в Эрмитаже. Л., 1960 ; *Зек Ю.Я., Семенов Ю.Н., Гурьев М.П.* Часы «Павлин». СПб., 2011).
- ³⁰⁸ О нем см.: «Волшебное путешествие» в мир Жаке-Дро // Новости / Россия К. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/104606 (дата обращения: 13.12.2013).
- ³⁰⁹ *Строев А.Ф.* «Те, кто поправляет Форуну»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 253.
- ³¹⁰ Там же. С. 222–223.
- ³¹¹ Там же. С. 227.
- ³¹² Там же. С. 210–211.
- ³¹³ [*Дженкинсон А.*] Путешествие г-на Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухара в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / пер. с англ. Ю.В. Готье. Л., 1938.
- ³¹⁴ *Черкасов П.П.* Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 246–247.
- ³¹⁵ В 1685 и 1688 г. Ф. Авриль приезжал в Москву за разрешением проехать в Китай через Россию ([*Авриль Ф.*] Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 году / пер. Н.А. Полевого // РВ. 1842. Т. 6. № 4. С. 69–104).
- ³¹⁶ «Царь Петр... желает, чтобы шелка, которые посылались обыкновенно в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург...» (Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49. С. 93–94).
- ³¹⁷ Летопись Российской Академии наук. Т. I. С. 62, 71.
- ³¹⁸ См.: *Кусов С.В.* Московское государство XVI – начала XVIII в.: Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. Рис. 41 (цв. вкл.).
- ³¹⁹ *Мельгунов Г.В.* Поход Петра Великого в Персию // РВ. М., 1874. Т. 110. С. 6.
- ³²⁰ *Бушев П.П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг.: (по русским архивам). М., 1978. С. 5.
- ³²¹ *Кусов В.С.* История познания земель Российских. М., 2002. С. 67.
- ³²² ОР БАН. Собрание иностранных рукописей. Fol. 266. Т. 3. Л. 46. № 172.
- Этого плана нет в самом последнем и полном каталоге средневековых русских чертежей, составленном тем же автором, хотя в нем зафиксированы планы Твери, Кашина, Воронежа, Азова и др. (*Кусов С.В.* Московское государство XVI – начала XVIII в. ... С. 302, 304, 405 и др.).
- ³²³ *Новлянская М.Г.* Иван Кириллович Кирилов, географ ... С. 56.
- ³²⁴ И подтверждением приведенных сведений о «снятых» тогда же планах 20 городов Астраханской губернии, о составленных 18 планах «приписных к Москве городов».
- ³²⁵ О происхождении нордовой стрелки см.: *Браун Л.А.* История географических карт. С. 202–203.
- ³²⁶ Здесь могла сказаться привычка: для европейца XVIII в. обычной была ориентация карт на север в отличие от русской картографии допетровского, Петровского и даже послепетровского времени.
- ³²⁷ *Снегирев И.М.* Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. М., 1842. С. 106.
- ³²⁸ Опись предметам, сохраняющимся при Императорской Академии наук (в здании Кунсткамеры), в отделении, называемом: Кабинет Петра Великого, приведенном в новое устройство в 1837 году. СПб., 1844. № 27. С. 44.
- ³²⁹ *Белокуров С.А.* Планы г. Москвы XVII века // Древнерусская картография. М., 1898. Вып. 1. С. 2.
- ³³⁰ *Клепиков С.А.* Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX вв. М., 1956. С. 15–16, 27–30.
- ³³¹ *Кусов В.С.* Картографические изображения Москвы: история их накопления и каталогизации // Москва на старых картах: (XVI – первая половина XX в.): Каталог планов Москвы. М., 1998. С. 7–8.
- ³³² *Клепиков С.А.* Библиография печатных планов города Москвы ... С. 14.